

Михаил Кузмин

**Чудесная жизнь Иосифа
Бальзамо, графа Калиостро**

Михаил Алексеевич Кузмин

Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311522

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872-1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая».

«Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» – первая книга из замышляемой Кузминым (но не осуществленной) серии занимательных жизнеописаний «Новый Плутарх». «Мне важно то место, – писал М. Кузмин в предисловии к задуманной серии, – которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка...» Калиостро – знаменитый алхимик, масон, чародей XVIII в.

Содержание

Введение	5
Книга первая	7
1	7
2	10
3	16
4	21
5	26
6	31
7	36
8	43
9	48
Книга вторая	52
1	52
2	57
3	62
4	68
5	74
6	77
7	81
8	87
9	93
Книга третья	99
1	99

2	104
3	111
4	117
5	122
6	127
7	132
8	136

Михаил Кузмин

Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро

В трех книгах

Введение

У Чарльса Диккенса, в прекрасном, но малоизвестном романе «Наш общий друг», мистер Бофин, читая биографии Плутарха Херонейского, испытывает разнообразные сомнения: то он верит всему написанному, то ничему не верит, то дарит своим доверием одну половину жизнеописания, причем не знает, которой отдать предпочтение.

Будучи далек от мысли равняться с Херонейским мудрецом, я легко могу представить подобные затруднения у своих, хотя бы и снисходительных, читателей, тем более что, предпринимая «Нового Плутарха», я отнюдь не думал предлагать на общее внимание компилятивные биографии и еще менее выдавать свои фантазии за исторические исследования. Конечно, я не буду легкомысленно утверждать, что Микеланджело жил в двадцатом веке, и не поселю Платона к зулусам, но, исключая самые основные биографические очер-

тания, в подробностях, красках, а иногда и в ходе описываемых событий предоставляю себе полную свободу. Главным образом, меня интересуют многообразные пути Духа, ведущие к одной цели, иногда не доводящие и позволяющие путнику свертывать в боковые аллеи, где тот и заблудится несомненно.

Мне важно то место, которое занимают избранные герои в общей эволюции, в общем строительстве Божьего мира, а внешняя пестрая смена картин и событий нужна лишь как занимательная оболочка, которую всегда может заменить воображение, младшая сестра ясновидения.

Мне бы хотелось, чтобы из моих жизнеописаний узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный чтец вычитает из десятка хотя бы самых точных и подробных, фактических биографий, – единственное, что нужно помнить, лишь на время пленяясь игрою забавных, трагических и чувствительных сплетений, все равно, достоверных или правдоподобно выдуманных.

«Новый Плутарх» будет заключать в себе около пятидесяти биографий и, конечно, подлежит рассмотрению лишь по окончании, но мне казалось, что и отдельно взятые главы оттуда могут представлять некоторый интерес для читателя.

В. Э. Мейерхольду

Книга первая

1

Феличе Бальзамо старалась взглянуть на маленькое существо, лежавшее около нее на широкой купеческой кровати, и говорила мужу:

– Смотри, Пьетро, какие блистающие глаза у малютки, какой ум написан у него на лобике!... Наверное, он будет если не кардиналом, то, во всяком случае, полковником!...

По правде сказать, ничего особенного не было в большеголовом мальчугане, корчившем свои распеленутые ножки; нельзя даже было сказать, на кого ребенок похож, на отца или на похудевшую Феличе. Тем не менее синьор Бальзамо, на минуту оторвавшись от большой расходной книги и засунув перо за ухо, повернулся к кровати и, не подходя к ней, ответил:

– Вероятнее всего, он будет честным купцом, как его отец и дед. Может быть, впрочем, он будет адвокатом; это теперь выгодное занятие.

Будущий адвокат залился горьким плачем, может быть, от судьбы, которую ему предсказывали родители, или от солнца, которое как раз на него бросало июньский квадрат. Бабка Софонизба быстро поднялась от столика, где она пила ко-

фей около очага, передвинула ребенка в тень, закрыла его одеяльцем и, тихо шлепнув для окончания, подняла очки на лоб и промолвила:

– Браки и должности в небе решаются. Никто не знает, кто кем будет. Вот если он сделается графом или чудотворцем, то я удивлюсь и скажу, что он – молодец.

Феличе, закрыв глаза, тихонько хлопала рукою по голубому одеялу, улыбаясь и словно мечтая, что будет с маленьким Беппо, недавно окрещенным в Палермском соборе.

Летний жар уже сломился, и Пьетро Бальзамо отправился в прохладную лавку; ушла и повивальная бабка Софонизба, а Феличе все лежала, стараясь скосить глаза, чтобы увидеть Иосифа, который уже тихо тарашил свои большие карие глазки. Действительно, не может быть у купца таких глаз, таких странных бугров на лбу, такой печати (конечно, печати) необыкновенности на всей большой голове.

И мать, и сын оба думали и видели (по крайней мере, Феличе), как на стене выскакивали, словно картонные, квадраты, на которых было написано поочередно: кардинал, полковник, адвокат, купец, чудотворец, граф. Последний квадрат появлялся чаще других и был весело-желтого цвета.

В сумерках Пьетро вернулся, жена только что проснулась и, подозвав к себе мужа, тихо сказала:

– Несомненно он будет графом!

Бальзамо хотел было послать за доктором, думая, что у жены начинается бред, но Феличе остановила его, сказав, что

она совершенно здорова. Пьетро сел у кровати и сидел долго, не зажигая огня и смотря на безмолвный пакетик, где заключался будущий полковник. Так досидели они до первых звезд, когда служанка принесла свечи и стала накрывать на стол для ужина.

Мальчик рос, как растут все дети небогатых купцов, хотя родители ему предоставляли больше свободы, чем это принято. Феличе огорчалась, что Иосиф плохо растет и будет маленького роста, несколько утешаясь тем, что он все-таки крепкого сложения, широкоплеч, имеет высокую грудь, маленькие руки и ноги (как у графа) и выразительное смелое лицо. И характер имел смелый, предприимчивый и открытый, не без некоторой вспыльчивости, впрочем. Был щедр, почти расточителен, скор на руку и крайне самолюбив. Часто, когда Беппо прибегал домой и с жаром рассказывал об уличных драках, отец качал головою и полушутливо, полусерьезно говорил: «Нет, брат, плохой из тебя выйдет купец! Разве только матрос на торговом судне. Уж очень ты задорен и важен, так жить нельзя!» Мать ласкала сына и радовалась словам Пьетро, потому что вовсе не считала положение купца самым выгодным и достойным для своего любимца.

Однажды утром он рассказал ей удивительный сон.

Ему не спалось, и сначала наяву он увидел, как по темно-му воздуху двигались и сплетались блестящие голубоватые фигуры вроде тех, что он как-то заметил в учебнике геометрии: круги, треугольники, ромбы и трапеции. Соединялись они в необыкновенно разнообразные узоры, такие красивые, что, казалось, ничего на свете не могло быть лучше их, хотя

и были они одного цвета. Как будто вместе с ними носились какие-то инструменты каменщиков, совсем простые: молотки, отвесы, лопаты и циркули. Потом он заснул и очнулся в большой зале, наполненной одними мужчинами, посередине стоял большой стол, как на придворных обедах, с хор раздавались скрипки, флейты, трубы и контрабасы, а сам Иосиф висел в воздухе, сидя на голубом облаке. Внизу, прямо под ним, на маленьком столике стоял графин с чистой водой, и около находился голый мальчик с завязанными глазами; руки его были скручены за спину полотенцем. И Иосиф понял, что этот пир – в честь его; у него горели щеки, он чувствовал, как билось у него сердце, между тем как голубое облако, описывая мелкие (все мельче и мельче) круги, опускалось прямо на столик с графином. Ему было так радостно, что он проснулся, но и проснувшись продолжал чувствовать, как бьется его сердце и как пахнет вареным красным вином, смешанным с анисом и розами.

Феличе весь этот сон поняла попросту и объяснила, что Джузеппе женится на графине, будет держать открытый дом и каждый день обедать с музыкой, которая будет играть арии Перголезе. Но, кажется, она боялась сглазить предсказание, потому что усиленно просила сына никому не рассказывать об этом видении, обещая и со своей стороны полный и строгий секрет.

Вскоре после этого сна Иосиф, гуляя в отдаленной части города, засмотрелся на недавно отстроенный дом, с которо-

го не успели еще снять лесов. Он был очень красив, в четыре этажа, выкрашенный в розовую краску; на крыше стояли гипсовые вазы, вероятно, чтобы потом сажать туда вьющиеся цветы. На крыльце сидела худая женщина с ребенком. Очевидно, она пришла издалека и несколько дней не ела, так бледно и худо было ее лицо. Нищая не обратилась к Иосифу, она его не заметила, да и потом, естественно было подумать, что такой маленький мальчик едва ли может оказать какую-либо помощь, разве сбегать в аптеку или полицию. Но у Иосифа всегда почти были деньги. Имея доброе и быстрое на решения сердце, он, не дожидаясь обращения, сам подошел к сидящей женщине и молча протянул ей маленький голубой кошелек, где брэнчало несколько монет, которые он ей и предоставил. Так как Иосиф был маленького роста, то на вид ему казалось не больше восьми лет. Нищая с удивлением посмотрела на благотворительного малютку в чистом синем камзольчике и не прятала кошелек, очевидно думая, что деньги не принадлежат мальчику или что он сам не соображает, что делает. Но синьор Бальзамо очень важно заметил:

– Не беспокойтесь, это мои деньги, и сейчас они мне не нужны. Я буду очень рад, если они вам пригодятся.

Женщина разразилась благословеньями и поцеловала руку Иосифу, которую тот не отдернул, но, наоборот, очень охотно, по-видимому, подставил для поцелуя. Затем он не спеша повернулся и хотел было уже отправиться домой, как

вдруг увидел, что его благодеяние не осталось без свидетелей. У соседнего дома стоял высокий молодой человек в сером плаще и внимательно смотрел на Иосифа. Сам мальчик не понимал, что заставило его подойти к незнакомцу и почтительно приподнять треуголку. Тот улыбнулся, но продолжал молчать и не двигаться. Остановился и Иосиф. Наконец человек в сером плаще взял Иосифа за руку и спросил как-то странно:

– Хотел бы ты иметь такой дом?

Мальчик не любил, когда посторонние говорили с ним на «ты», и притом совсем не был подготовлен к такому вопросу; поэтому он промолчал и только перевел глаза на розовое здание. Незнакомец продолжал:

– Но насколько прекраснее выстроить такой дом, нежели владеть им.

Мальчик все молчал.

– Как хорошо бы выстроить прекрасный светлый дом, который вместил бы всех людей и где все были бы счастливы.

– Дома строят каменщики!

– Да, дитя мое, дома строят каменщики. Запомни, что я тебе скажу, но забудь мое лицо.

При этом незнакомец наклонился к Иосифу, как будто именно для того, чтобы тот его лучше рассмотрел. Лицо его было прекрасно, и мальчик как бы впервые понял, что есть лица обыкновенные, уродливые и красивые. Молодой человек пробормотал:

– Как ни таращь свои глаза, все равно ты позабудешь, чего тебе не нужно помнить!

Потом выпрямился и начал несколько торжественно:

– Иосиф, у тебя доброе сердце и славная голова, смелый характер и веселый нрав. Я не говорю о других дарах. Никогда не употребляй их во зло другим и для достижения мелких, ничего не стоящих выгод. Будь расчетливым купцом, в этом я согласен, пожалуй, с твоим батюшкой, потому что злодейство, в конце концов, есть вещь невыгодная для самого злодея и ни к чему доброму не приводит. У тебя же большой, огромный путь! Ты даже сам не предполагаешь, какая участь тебе готовится.

Мальчик вдруг заметил:

– Нужно много учиться!

– Да. Ты будешь учиться, но никогда не забывай двух самых верных учителей.

Тут он положил одну свою руку на сердце Иосифа, другую поднял к небу.

– Это – природа и чистое сердце. Они тебя научат вернее и лучше многих книг!

Молодой человек поцеловал мальчика и быстро ушел, а Иосиф никому не рассказывал о своей встрече, но когда старался вспомнить лицо незнакомца, то никак не мог воспроизвести в своей памяти его черты. Осталось впечатление только чего-то необыкновенно прекрасного и милостивого. И потом еще Иосиф был уверен, что всегда узнал бы этого

человека, где бы и когда бы он ни встретился еще раз.

Несколько странно, что у Иосифа после этого случая появилась и быстро стала развиваться повышенная религиозность. Он не пропускал ни одной службы и наконец попросился у родителей в монастырь «маленьких братцев», находившийся неподалеку от их дома. Так как Иосиф не высказывал желанья постригаться, а хотел только жить в монастыре, где жило на таких же условиях еще несколько мальчиков и молодых людей, то супруги Бальзамо его отпустили, тем более что Феличе помнила про возможность для ее сына сделаться кардиналом, а Пьетро рассуждал так, что все равно где учиться, лишь бы учиться, а из монастыря он может взять обратно Иосифа в любую минуту, когда тот понадобится.

3

Иосиф учился довольно прилежно, особенно пристрастившись к химии и так называемым тайным наукам, в которых был достаточно опытен брат Пуццо, предложивший молодому Бальзамо отправиться с ним на остров Мальту. Иосифу было уже двадцать три года, а он не только ходил еще, к огорчению своих родителей, холостым, но даже не имел, по видимому, никаких любовных связей. В городе по этому поводу были разные неверные и смешные слухи, но у «маленьких братьев» знали наверное, что Иосиф ведет себя целомудренно, отдавая все время, остававшееся от занятий, прогулкам за городом и простым играм.

Вместе с Иосифом и братом Пуццо на Мальту отправился еще кавалер д'Аквино, старинный еще знакомец доброго монаха, очень скоро подружившийся с молодым Бальзамо, несмотря на разницу в годах. Кавалеру о ту пору было лет под сорок; он имел мягкие, вкрадчивые манеры, приятный голос, интересовался тайнами природы, магнетизмом, вел замкнутый образ жизни и считался человеком очень богатым. К Иосифу он отнесся так, как будто тот был ему кем-нибудь заранее рекомендован с самой лучшей стороны. Иосифа это не удивляло, так как он был несколько легкомыслен и принимал ласковое обращение как нечто должное. Впрочем, кавалер был, по-видимому, таким добрым и достойным

человеком, что мог бы приобрести доверие кого угодно, не только двадцатитрехлетнего юноши, не выдавшего ничего на свете, кроме своего Палермо.

Иосиф отправился в путешествие в светском платье, причем, кавалер настоял, чтобы он принял от него известную сумму денег как прибавку к ассигнованным ему на обмундирование от родителей, и оделся, не торгуясь и не соблюдая излишней экономии.

Бальзамо обрадовался неожиданному подарку, так как отличался пристрастием к щегольству, хотя часто ходил небрежно и даже неряшливо одетым.

Родители сердечно простились с сыном, и сам он от души прослезился, махая платком и смотря, как все уменьшался гористый берег и все туманнее становился родимый город. Но долго ли может грустить молодой человек с живым характером, любопытным умом и легким сердцем, впервые отправляясь в далекое плаванье, особенно когда он уверен, что не только жизнь и продовольствие, но и известные развлечения обеспечены ему кошельком преданного и состоятельного друга?

Конечно, остров Мальта и образ жизни рыцарей не очень подходили человеку, ищущему веселого времяпровождения, и больше напоминают место, куда ездят поучаться и брать пример строгой и духовной жизни, но так как Иосиф, повторяю, ничего еще не видел и, кроме того, имел искреннее и сильное влечение к занятиям, то он очень радовался и инте-

ресовался всем устройством и жизнью ордена и завел много знакомств, насколько приятных и поучительных, настолько и могущих быть полезными впоследствии. Кавалер д'Аквино, вероятно принимая в соображение молодость своего спутника и боясь, чтобы он все-таки не соскучился на рыцарском острове, предложил ему проехаться в Испанию, на что Иосиф, конечно, с радостью и согласился. Брат же Пуццо остался на Мальте.

Море производило на Иосифа необыкновенное впечатление. Несмотря на то, что все его путешествие состояло из коротенького переезда с Сицилии на Мальту и более значительной, но тоже небольшой переправы с острова на Испанский материк, – ему казалось, глядя на широкие блестящие волны и пенные борозды корабля, что он объехал чуть ли не весь мир, побывал и в Турции, и в Египте, и на Родосе.

Ночи были безлунны, но все небо засыпано звездами, как золотыми зернами. Часто на палубе кавалер беседовал с Бальзамо. Откинув назад голову, как он имел привычку делать, исполненный блестящих планов, Иосиф говорил:

– Какие звезды, синьор! И это все миры, в сотни раз большие, чем наша планета. А сколько солнечных систем! Как мир огромен, таинствен и прекрасен! И подумать, что человек, пылинка, может приобрести власть над всеми вселенными. Сказать: «Стой, солнце!» – и оно остановится. Можно умереть от восторга, сознавая все величие человеческого духа!

– Ты львенок, Иосиф! – говорил кавалер, а Бальзамо, не опуская головы, широко разводил руками, будто хотел заключить в объятия весь звездный купол, все земли, и море, и палубу, и кофейный столик, на котором дымились чашки и желтела рюмка с ромом, так как Бальзамо до такой степени пристрастился к кофею, что не мог и часу существовать без него.

– Я завоюю весь мир! – воскликнул Иосиф после молчания.

Кавалер посмотрел на него удивленно. Тот продолжал медленно, словно читая в небе написанные слова:

– Я овладею силами природы, земными, водяными, огненными и воздушными! Я овладею сердцами людей, их душами, их волею. Я сделаюсь могущественнее Цезаря, Александра и Тамерлана – и на земле настанут благодать, мир и кротость!

– Ты овладеешь прежде всего самим собою, своими страстями и желаниями и освободишь свой дух.

– Да, конечно! – ответил Иосиф уже обычным тоном и принялся за кофе.

– Потому что это большое искушение – власть, особенно власть духа. Одно из трех искушений Иисуса.

– Но я чувствую в себе такую силу!

– Сила в тебе велика, тем осторожнее нужно с нею обращаться. И потом не следует забывать повиновения. Кто не умеет повиноваться, едва ли сможет повелевать.

– Разве я когда-нибудь нарушал послушание? – спросил Иосиф, ласково беря за руку Аквино.

Тот задумчиво посмотрел за борт.

– Иосиф, тебе предстоит великая будущность, но и великие испытания, но Бог тебе поможет.

Бальзамо тряхнул волосами, будто он был так уверен в своих силах, что почти не нуждался в помощи, и ничего не ответил.

Кофей уже простыл, ром был выпит, на синем-синем небе будто воочию вращался звездный круг; от Юпитера шел бледный столб в воде, разбиваемый ночной рябью, и теплый, почти удушливый ветер доносил широкими потоками изредка горьковатый запах померанцев. Они приближались к Испании.

Шел уже второй год, как уехал Иосиф и все не возвращался. Старый Бальзамо схватил где-то злокачественную лихорадку, которую не выдержал его уже некрепкий организм. После смерти мужа Феличе сама вела торговлю, расплатилась с кредиторами и наняла знающего приказчика. Но, конечно, она думала, что было бы гораздо лучше, если бы скорее вернулся сын и взял все в свои руки. Особенно теперь, когда она и сама свалилась с ног и совершенно не знала, как окончится ее болезнь. С отъездом Иосифа и смертью старого Пьетро сами комнаты стали как-то темнее, меньше и казались более пыльными и затхлыми. Феличе лежала на той же кровати, где родился Иосиф, покрытая тем же одеялом, и печально думала о своей одинокой теперь жизни и, может быть, близкой смерти. Вдруг она услышала, как брякнуло кольцо у входной двери, еще раз, еще... сильнее – и в комнату быстро вошел коренастый молодой щеголь таких лет, когда уже нужно бриться через день. Он быстро подошел к кровати, отдернул полог.

– Джузеппе, дитя мое!

– Милая мама, добрый день.

Феличе смеялась и плакала, осыпала сына поцелуями, рассматривала его лицо, нос, глаза, губы, даже ощупывала, как слепая. Иосиф смахнул слезу и стал рассказывать свои

странствия, но казалось, Феличе их не слушала, а только смотрела на это лицо, на эти глаза, будто она завтра же должна была их потерять и хотела теперь насмотреться досыта. Сердце ее не обмануло: она не увидела больше сыновнего лица радостно и спокойно, а если и замечала его, то в разодранных видениях предсмертных мук, потому что бедная женщина умерла в ту же ночь, словно ее организм не выдержал радости. У нее было спокойное и довольное выражение, как у человека, который дождался хозяина, запер двери, передал ключ владельцу и мирно ушел домой.

Джузеппе не был хозяином, который вернулся в насиженный дом. Непоседливость, любопытство и стремление к знанию увлекали его дальше. Впрочем, это желание поддерживал в нем и кавалер д'Аквино, приехавший с ним в Палермо. Ликвидировав родительскую торговлю и сняв положенный траур, Иосиф отправился в Рим, снабженный рекомендательным письмом к графу Орсини. Это было весной 1768 года.

Папский Рим, несмотря на духовный сан государя, жил весело и свободно. Иосиф бегал первые дни как сумасшедший, осматривая памятники языческой и папской старины, пьянясь пышностью богослужений и процессий или глядя через окна кофеен на суетящийся и будто всегда карнавальным народ.

Бывал он только у графа Орсини, не прерывая заброшенных было первое время по приезде занятий. Кроме общей

пестроты и оживленности улиц его немало привлекали окна магазинов, ремесленных заведений, где, казалось, были выставлены предметы, свезенные со всех концов мира. Жар не был особенно жесток и позволял Иосифу гулять по городу даже в те часы, когда римляне по привычке отдыхают после обеда.

Однажды, проходя по эстраде Пеллегрини, Иосиф заметил в окне одного литейщика чугунное кольцо, украшенное старинными эмблемами, напомнившими ему его давнишний сон. На пороге стояла девушка лет пятнадцати, с веселым и живым лицом, озабоченно и удивленно глядя на замешкавшегося молодого человека. Она спросила, не может ли чем служить синьору, причем тут же прибавила, что отца, Иосифа Феличьяни, в лавке нет, а она сама дочь его – Лоренца. Бальзамо представился в свою очередь и спросил насчет кольца. Лоренца сказала, что она не знает, за сколько отец продает эту вещь, и чтобы, если господину не трудно, он зашел завтра утром.

– Тогда отец будет здесь, и вы с ним потолкуете.

– Хорошо. И синьора Лоренца будет завтра тут?

– Синьора Лоренца? Не знаю. Разве это вас интересует?

Имейте в виду, что синьора Лоренца прекапризное существо и никогда не может сказать, что она будет делать через минуту.

– Будем надеяться, что завтра мы увидимся. Итак, до завтра.

Лоренца сморщила нос и присела, причем Иосиф заметил, что девушка немного хромает на левую ногу. Дав покупателю отойти несколько шагов, она окликнула его:

– Послушайте, господин в зеленом кафтане! Вы не думайте, что я совсем глупая девочка и меня может провести любой молодчик. Мне уже пятнадцать лет, и я отлично понимаю, что вы вовсе не Бальзамо и даже не Иосиф.

– А кто же я, по-вашему?

– Вы – граф!

– Отлично. Как же моя фамилия?

– Фамилия? Ах... да... фамилия. Ну, хотя бы Калиостро.

– Почему же именно Калиостро? – спросил Иосиф, раздувая щеки от смеха.

– Не смейтесь, пожалуйста. У меня есть тетка Калиостро.

– Графиня?

– Ах нет! Если б она была графиней!

– Что же бы тогда было?

– Я была бы графининой племянницей! Нет, правда, вы не отпирайтесь, что вы – граф. Я это вижу по глазам. Только вы – скупы и, думая, что отец возьмет с вас дороже за то, что вы – граф, скрываете свой титул. Вот и все! Но я вас выдам папе, будьте уверены.

– Как вам угодно. До свиданья, синьора Лоренца.

– До завтра, граф.

– Калиостро?

– Калиостро.

Оба рассмеялись, но на следующее утро Лоренца действительно представила Бальзамо как графа Калиостро, и литейщик даже стал расспрашивать, не в родстве ли молодой человек с их теткой Цезариной Калиостро. Кольцо Иосиф купил, но на следующее утро пришел на эстраду Пеллегрини опять, уже в качестве простого знакомого. Лоренца в один из визитов Иосифа сказала:

– Синьор граф, у меня есть к вам маленькая просьба.

– В чем дело, синьора?

– Скоро настанет карнавал, любимое мое время... Я всегда гуляла с нашим знакомым медником Труффи, но он так ленив, бестолков и неповоротлив, что это отнимало для меня почти всю прелесть веселой прогулки... Вот если бы... Впрочем, это слишком большая для меня честь!...

– Вы хотите, крошка, чтобы я вас сопровождал во время карнавала?

– Нет, нет. Я просто так сболтнула... я не подумала. Не обращайтесь внимания.

Лоренца притворно краснела, опускала глаза, стыдилась, но по лукавой улыбке видно было, как ей хотелось, чтобы Бальзамо понял ее и сам предложил свое общество для веселых дней масленицы. Лоренца присела и прибавила:

– Благодарю вас, ваше сиятельство. Благодарю вас! Я постараюсь достать себе костюм, достойный вас.

Лоренца была прелестна в красной маске; широкое зеленое платье «графини», как она выразилась, делало почти незаметным ее хромоту, и Иосиф, которому все-таки было только двадцать пять лет, с удовольствием взял девушку под руку – и они отправились по улицам, сплошь наполненным маскированной, кричащей, поющей толпой. Все пело, кувыркалось, целовалось, ленты взлетали в воздух, петарды трещали, свистки, гремушки, трещотки, барабаны раздирали уши, и на минуту, когда они вдруг разом стихали, слышались струны гитар, будто кто в бочку сыпал крупный горох, а в ней гудел фаготом майский жук. Выпущенные разноцветные пузыри с веревками летели, цепляясь и тыкаясь в балконы, украшенные старыми коврами, кусками парчи и цветными одеялами. Надувая щеки, трубил арлекин перед балаганом, а на занавесе другой, громадный, манерными пальцами указывал на вход. «Алина, королева Голконды», «Посрамленный Труффальдино», «Сундук бедствий». Ребята грызли купол св. Петра, вытисненный на больших коричневых пряниках; собаки, лая, отдыхали в антракте с красными колпачками на ученых головах. Обезьяна вычесывала сверху блох на маскированных дам, бросавших в нее объедками яблок. Ракета! Рассыпалась розой, роем разноцветных родинок, рождая радостный рев ротозеев. Колеса кружились, ка-

чели, коньки, юбки парусом, чулки, полоски тела над ними. Кто-то качает высоко верблюжью морду, как насос. Все ша-
рахаются разом, будто сам Климент XIII папским поме-
лом перегоняет паству с места на место. С горы льется ру-
чей, пестрый, словно кухарка вылила ведро, где куски и то-
мата, и моркови, и зеленого лука, капуцинов, свеклы, и крас-
ного перца, и жирная жидкость. Ах, серенада в беседке! А
она на слоне двигается, будто сейчас всех раздавит. Треск
вееров, – арлекин сделал неприличный жест. Блестят глаза и
густо хрустальный смех исчезает в повечеревшем небе. За-
горелись фонтаны. Кавалеры брызжут на пискливых маркиз
и китайнок. Бубенчики. Лопаются трико. Все темнее. Виден
месяц. Где же мечеть? Он один повис без минарета. С Пала-
тина потянуло свежей землей и травой. Прощай, день! Со-
седнее Ave Maria звякает, как мирное стадо. Облако так ти-
хо стоит, будто бы не знает, плыть ли дальше или вернуться
или, как белый подол, опуститься на площадь.

Лоренца, растрепанная, помятая, счастливая, возвраща-
лась медленно домой под руку с Иосифом. Они тихонько пе-
реговаривались, вспоминая проведенный день: как они ели
мороженое, рубцы и пряники в палатке, пили желтое орвье-
то, как смотрели фантошей, где деревянная королева была
убита дубинкой за неверность, как им гадал астролог, как к
Лоренце пристал монах с носом в полтора аршина и в шел-
ковых, вышитых золотом чулках; как собачке отдавили ла-
пу: она ее поджала, а директор успокаивал публику, гово-

ря, что теперь пострадавшей в некотором отношении будет удобнее: не нужно будет утруждать себя поднимать лапку. И все, все – все мелочи они вспоминали, будто дети или влюбленные. Лоренца шла, сняв маску и болтая ею на ходу. Глаза ее были задумчивы и нежны, а мушка со щеки съехала совсем к ноздре, придавая лицу смешной и трогательный вид. Она несколько печально говорила:

– Вот и прошел день и раньше будущего года не вернется, да вернется уже не таким же. Я буду старше, не будет вас, мало ли что может измениться? Вы понимаете, как грустно, когда что-нибудь кончается? И я уже не графиня! Я очень глупая и, может быть, ветреная мечтательница, но вот я часто мечтаю... Вы не смейтесь, я этого никому не говорю, а между тем я должна это сказать, иначе я лопну... Мне бы хотелось не то что быть богатой или знатной, а бывать ими... Всегда – это скучно! А так: сегодня богатая княгиня, завтра поденщица, послезавтра монахиня... Может быть, я рождена быть картежницей или актрисой. Я ведь очень веселая и выносливая... Или авантюристкой! Но одной скучно! И потом я обожаю путешествия. Вы счастливы, всего так много видели. А мне уж пятнадцать лет, а между тем я никуда не выезжала из Рима – ведь это же ужасно! Но что об этом толковать!... Судьба не всегда от нас зависит. Простите, что я так болтаю. Едва ли это вам интересно...

Иосиф пробормотал какую-то любезность и поцеловал руку у девушки. Больше они не говорили, тем более что дошли

уже до дома Феличьяни.

Через несколько дней лавку на эстраде Пеллегрини посетил граф Орсини и долго беседовал с хозяином, причем они заперли двери и Лоренцу выслали на улицу. Хотя девушка ничего против этого не имела, но все-таки ей показалось, что отец с гостем совещаются что-то уж очень долго. Наконец они вышли. Старый Феличьяни долго смотрел вслед уходившему графу Орсини, не накрывая головы шляпой, потом обратился к Лоренце:

– Ну, стрекоза, можешь себя поздравить.

– Не знаю с чем! – ответила дочь, пожимая плечами.

Отец объяснил ей, что граф приходил в качестве свата от Иосифа Бальзамо и что он, Феличьяни, дал свое согласие, так что теперь дело только за нею. Лоренца, вспыхнув, воскликнула:

– Вот я и буду графиней! Но какой плут этот ваш молодой человек! Хоть бы слово мне шепнул.

Феличьяни, конечно, не очень охотно отдавал Лоренцу за человека, который не имел никакого места, не занимался никаким ремеслом, ни искусством и не получил наследства, но Орсини объяснил ему, что Бальзамо готовится к ученой деятельности и что на первых порах ему будут помогать друзья, так что молодая чета не только не будет ни в чем нуждаться, но даже будет жить в полном довольстве. Девушка радовалась, хотя и не была влюблена в Иосифа, так что, пожалуй, этот последний более нетерпеливо ждал свадьбы, ко-

торая и произошла 20 апреля 1768 года в церкви св. Марии на горушках.

Лоренца и слышать не хотела, что Бальзамо не граф Калиостро, говоря, что ей ее мечты и фантазии дороже каких-то там полицейских бумаг. Иосиф не слишком горячо убеждал, до такой степени привыкнув к своему графству, что когда иногда в минуту нежности жена называла его «Бальзамчик мой!», он совершенно серьезно хмурил брови и думал, кого имеет в виду графиня. Чтобы совсем не походить на Иосифа Бальзамо, он даже изменил свое имя, называя себя и подписываясь: «Александр, граф Калиостро». Впрочем, он вообще любил инкогнито и псевдонимы, зовясь еще графом Фениксом и графом Гара, но это было впоследствии.

Молодые жили еще восемь лет в Риме. Калиостро укреплял свое знание, силу и мудрость под опытным руководством. Лоренца немного выезжала, посещала театры и прогулки, нашла себе платьев, но все-таки была очень рада, когда муж объявил ей в 1776 г., что им предстоит отправиться в Лондон. Пред Лоренцой уже рисовалась жизнь, полная превратностей, приключений, величия и падения, о какой она мечтала в тот далекий день карнавала.

Они приехали в Лондон ясным июльским днем. Солнце достаточно грело, и улицы были, пожалуй, оживленнее, нежели в Риме, так что, не будь небо так бледно, будто хорошо вымытый голубой ситец, и толпа не так молчалива, можно было бы подумать, что они не покидали благословенной Италии. Лондонский народ иногда и шумел, но это не был веселый гул южной площади, а брань и плач и выкрики закоптелых оборванцев, голодных детей в слишком длинных сюртуках и поломанных шляпах да накрашенных женщин, теснившихся у самых стенок и одетых так, будто каждая часть их туалета была выужена мусорщиком из герцогских помойных ям, где она пролежала с полгода. Они держались робко и молча, только временами пронзительно переругиваясь между собою или с проходившими мастеровыми. Впрочем, дальше от старых кварталов улицы делались шире; небольшие домики, обвитые хмелем, с широкими низкими окнами, имели, несмотря на то что были крашены в темную краску или построены из некрашеного кирпича, довольно уютный и приветливый вид. Около многих из них были насажены кусты бузины и разбиты огороды с цветами и хозяйственными травами, на окнах висели клетки с Канарскими птичками, и внутри почти в каждой комнате был виден большой, занимавший чуть не четверть всего пространства,

очаг с котелком.

В одном из таких домов на Whircombstreet'e и поселился Калиостро, сняв верхний этаж у мисс Жульеты.

Калиостро минуло тридцать три года. Он придавал большое значение этому обстоятельству, думая, что это – время его выступления на историческую арену, и считая жизнь до этого года за подготовку, да и то, может быть, недостаточную, к этому шагу. В Лондоне он был посвящен в масонской ложе «Надежда». Это не была аристократическая ложа, но скромное содружество, состоявшее, главным образом, из живших в Англии французов. Калиостро выбрал именно эту ложу, не имея достаточных связей в Лондоне и, может быть, желая более заметным образом проходить первые ступени, будучи единственным титулованным лицом в этом обществе. Кроме того, он не мог не видеть, что в смысле практических знаний и способностей к изучению природных тайн и магии он превосходит многих, кто стоял выше его в ложе «Надежда». Дома он продолжал занятия химией и математикой, делая опыты над увеличиванием алмазов и стараясь проникнуть в систему азартных игр. Кроме того, он исследовал высшую гигиену, которая давала бы возможность организму периодически восстанавливаться и противодействовать влиянию времени, для чего каждый месяц два дня он налагал на себя строгий пост и строгое уединение, даже не прибегал к любимому им кофею и обществу Лоренцы. Действительно, граф был очень моложав и в свои тридцать

три года казался двадцатидвухлетним юношей, хотя и страдал при невысоком росте некоторою тучностью.

Лоренцу последние опыты мужа интересовали больше всего, и, хотя она была на десять лет моложе Калиостро, она часто просила его после ежемесячного двухдневного затворничества передать и ей часть живительной силы.

Граф, улыбаясь, сжимал ей голову обеими руками, потом проводил ладонями по ее лицу, шее, плечам и груди, уверяя, что ей еще рано прибегать к чудесным средствам... Лоренца чувствовала некоторую теплоту и словно уколы в крови от прикосновений мужа, но для верности белилась, притиралась и румянилась напропалую. Впрочем, маленькая, с занятной мордочкой, веселыми ужимками, она и теперь похожа была на девочку.

Лоренца была не совсем довольна жизнью в Лондоне, она совсем не так себе ее представляла в своих мечтах. Согласитесь сами, довольно скучно живой молодой женщине сидеть целыми днями в маленьком домике и, надевши наряды, смотреть на капустные гряды, меж тем как муж все время проводит в лаборатории или ходит по масонским собраниям, оставляя ее без внимания. Делу помогла мисс Жульета, хозяйка дома. Видя, что приезжие достаточно богаты и что Лоренца скучает, и, может быть, желая пристроить своих знакомых, она предложила Калиостро взять себе секретаря и компаньонку супруге. У мисс Жульеты как раз была в виду подходящая пара: г-жа Блевари и синьор Вителлини. Первая

была разорившейся португалкой, второй – проигравшимся любителем химии.

– Как раз для вас! – ораторствовала мисс Жульета. – Мистрисс Блевари знает Лондон как свои пять пальцев и видела лучшие дни; это настоящая леди! Она вас не унизит своим обществом. Мистер Вителлини честнейший малый; он беден, это правда, но со всяким может случиться несчастье. Он хорошо пишет и, как и граф, интересуется химией. Он будет вам полезен, уверяю вас. Это доброе дело, поверьте. К тому же они ваши соотечественники.

Добрая мисс Жульета и португалку причислила к дочерям Италии. Хозяйка совершенно напрасно тратила свое красноречие, потому что граф и графиня ровно ничего не имели против ее протезе, и на следующее утро Лоренца, выйдя в залу, увидела сидевшими у дверей две странные фигуры. Графиня всплеснула руками и, воскликнув: «Вот так уроды!» – не отвечая на низкие поклоны, бросилась за мужем.

Знавшая лучшие дни мистрисс Блевари оказалась маленьким, толстым существом с усами, как у жандарма, черным, как нечищенный сапог, одетым в красную робу, зеленую шляпу и лиловые чулки. Ее толстые кривые ноги висели, не доходя до полу; от пудры, которая обильно осыпалась на ее выступающую грудь и почти так же выдающуюся спину, лицо ее казалось еще чернее и усы зазорнее, пальцы были в кольцах с крупными цветными стеклами. Около нее еле сидела задыхающаяся толстая моська, высуня язык, раскоря-

чив ноги и все время чихая. По другую сторону двери осторожно, согнувшись в три раза, сидел старик в зеленых очках и с зеленым козырьком над глазами. Он нюхал табак и тоже поминутно чихал, стараясь делать это не в раз с моськой.

Лоренца, введя Калиостро, снова всплеснула руками и села на диван от смеха. Уроды встали и низко поклонились. Графиня, преодолев смех, подбежала к мистрисс Блевари и быстро заговорила:

– Никогда не снимайте этого платья, дорогая синьора, никогда. Мы так будем ездить по городу, и ваша душка мосенька с нами! Как ее зовут? Психея? Прекрасно! Мне будет казаться, что всегда карнавал! Иногда и синьор Вителлини будет нас сопровождать (тут любитель химии и Психея разом чихнули). Мы весь Лондон сведем с ума!

И она стала крутить португалку. Моська не двигалась вслед за ними, только чихала всякий раз, когда они кружились около нее. На следующее утро Вителлини перевез свой чемодан, а Блевари свой сак, где была испанская шаль, кастаньеты, две бутылки хереса, молитвенник и три рубашки, и семейство графа увеличилось двумя персонами, не считая Психеи.

У Вителлини было много свободного времени, которое он проводил обыкновенно в кабачке «Трех китов», где был давнишним завсегдатаем и имел много друзей. Увидев, что «любитель химии» не слишком полезен при опытах, Калиостро пользовался им для посылок, но и на это дело «честнейший малый» оказался мало пригоден, так как постоянно пропадал и возвращался домой ночью с помутившеюся памятью и преувеличенным сознанием собственного достоинства.

Желая помочь своим собутыльникам в случавшихся иногда денежных затруднениях, он им посоветовал обратиться к графу Калиостро, говоря, что тот человек богатый, добрый и притом «философ», следовательно, не будет очень разбираться, правду ли говорят просители. Между другими был косоглазый мистер Скотт и некая Мэри Фрей, которым Вителлини долго не говорил о графе Калиостро. Наконец у них дошло дело до того, что прямо хоть полезай в петлю.

Тогда Вителлини открыл и этим своим приятелям о добротe своего патрона.

На их несчастье, у Калиостро в данную минуту не было денег, он ждал присылки из Рима. Мэри Фрей, назвавшаяся для большей простоты супругой мистера Скотта, сделала печальное лицо и медлила уходить. У нее было приятное, откровенное лицо с светлыми глазами и несколько большим

ртом, в данную минуту завуаленное досадой и озабоченностью.

Калиостро постоял несколько минут, утешая гостью, но печаль не сходила с ее физиономии. Мэри сидела, опустив глаза, и готова была заплакать.

– Ну, так я пойду. Простите, что я вас беспокоила, граф. Благодарю вас за доброту... – и она, пошатнувшись, оперлась на спинку кресла, будто чтобы не упасть.

Граф дал ей стакан воды и о чем-то задумался, смотря, как Мэри жадно глотала и, по-видимому, не собиралась уходить.

– Вы очень огорчены, мистрисс Скотт, очень нуждаетесь?

Мэри молча развела руками.

– Я вам могу, пожалуй, помочь. Вы играете на королевской лотерее?

– Я? Нет, сэр.

– Завтра 14 ноября. Поставьте на 1-й номер. Если вы не доверяете мне, то завтра только следите за номерами и проверьте мое указание. Поставьте послезавтра на 20-й или 18-го на 55-й и 57-й.

Мэри слушала графа внимательно, но несколько удивленно.

Потом молвила скорбно:

– Благодарю вас, но мне нечего ставить, у меня ничего нет.

– На ставку я вам дам, – сказал Калиостро, вынимая два золотых.

– Да наградит вас небо, сэр! – сказала Мэри, низко при-

седая, и вышла из комнаты.

Калиостро долго стоял задумавшись, наконец пробормотал:

– Нет, я поступил правильно. Если бы я желал только проверки моих вычислений, кто бы мне помешал поставить самому на данные номера, но я знаю, что не следует обращать своих знаний на корыстные цели, я хотел сделать доброе дело этим беднякам.

Мнимая мистрисс Скотт, не выходя еще из дома графа, записала на бумажке указанные ей графом номера; вечером распили втроем со Скоттом и Вителлини дюжину портера и, убедившись, что 14 ноября действительно выпал первый номер, 15-го уже поставили на 20-й. Успех превзошел их ожидания. 18-го уже все трое поставили все свои деньги и выиграли целое состояние.

Вителлини хотел хлопнуть себя по лбу, но, угодив по зеленому козырьку, тем не менее воскликнул:

– Ну что? Не говорил я вам, что граф философ? Кто же, кроме философа, удержался бы от лотереи, зная способ играть наверняка.

– Тогда бы его заметили и выслали бы из Англии, – заметила Мэри Фрей.

– Она права! – добавил Скотт, – Даже нам, друзья мои, благоразумнее играть по очереди, чтоб не возбудить подозрений. Сначала я, потом Мэри, потом мистер Вителлини.

– Ловко придумано! Но как же мы будем играть, не зная

номеров?

Скотт покосился на говорившую и спросил:

– А ты думаешь, он больше не скажет?

– Может сказать, может и нет.

– А если его пригласить в долю?

– Нет, на это он не пойдет! – заявил секретарь.

В молчании некоторое время тянули портер, глядя на потрескивающий камин.

– Мистрисс Скотт придется еще раз сходить и придумать новую историю, – посоветовал Вителлини.

– Но раз он колдун, он узнает, что я вру. Итальянец вдруг загорячился и зачихал; прочихавшись, он начал совсем не так бурно, как можно было предположить по вступлению.

– Он не узнает. Вы мне поверьте. Во всяком деле есть специальность. Он колдун по угадыванию лотерейных номеров, но совсем дитя в смысле отгадывания мыслей. Мое мнение, что разжалобить его можно.

– Ну хорошо, мистрисс Скотт пойдет, но с условием – что вы выиграете, половина мне, моя же доля не делится.

Графа не было дома, когда пришла Мэри Фрей. Лоренца, выйдя на голоса, остановилась было в дверях, но посетительница, быстро что-то сообразив, подошла сама к ней и представилась:

– Мистрисс Мэри Скотт.

– Вы к графу?

Мэри вдруг заплакала.

– Что вы, что вы, успокойтесь!... Мистрисс Блевари, скорее соли, я боюсь, что синьора лишится чувств.

Едва португалка скрылась, как Мэри Фрей заговорила то-ропливо:

– Ваше сиятельство... я бедная женщина... у меня трое детей... мистер Скотт, мой муж, ужасный игрок и пьяница... я на улице... и трое малюток. Граф был так добр, что уже помогал мне, но этот игрок все отнял и пропил. Я боюсь даже... я так счастлива, что встретила вас... вы можете попросить за меня графа. Вы видите, как я мучаюсь... но я боюсь, что граф не будет великодушен во второй раз. О, какое несчастье! Если бы вы видели малюток, графиня!

Мэри подняла глаза к небу и осталась так, будто в ней испортился механизм и она не могла уже опустить глаза без механической помощи. Лоренца была очень взволнована.

– Милая мистрисс, зачем вы так огорчились? Я уверена, что муж войдет в ваше положение и поможет вам, чем может. Я со своей стороны тоже готова...

Лоренца стала искать кошелек, но Мэри остановила ее рукой и сказала:

– Благодарю вас, но я хотела просить не денег.

– Чего же?

Мистрисс Скотт поднесла платок к глазам, и, вероятно, это было достаточной механической помощью, потому что, когда она опустила руку, ее взгляд был уже вполне нормален.

– Чего же вам нужно? – переспросила Лоренца.

– Номер лотереи на седьмое декабря.

Лоренца даже вскочила с ларя, на котором сидела (объяснение происходило в передней).

– Какой номер лотереи? Ведь это же ваш муж игрок, а не вы!

– Мне нужно знать, какой номер выиграет седьмого декабря, – повторила Мэри монотонно и уныло.

– И граф вам может это сказать?

– Может, если захочет.

Лоренца рассмеялась:

– Право, вы принимаете мужа за ярмарочного шарлатана.

– Ваш супруг, граф Калиостро, – великий и мудрый человек! – ответила Мэри серьезно.

– Может быть, но при чем тут лотерейные номера? Зачем он будет их отгадывать?

– Затем, чтобы помочь несчастным.

Графиня принялась ходить по передней, нахмурившись и заложив за спину руки. Мало-помалу нахмурившееся было ее лицо прояснилось и сделалось почти веселым, когда она обратилась к мистрисс Скотт.

– Хорошо. Я поговорю с мужем.

Мэри бросилась целовать ей руки, как вдруг у входной двери раздался удар кольца.

– Боже мой, это граф! Все погибло!

– Идите скорее сюда, это выход прямо на двор. Приходите в восемь часов под окно, я дам сигнал! – поспела прошептать

Лоренца, толкая гостью к стеклянной двери. Неизвестно, что говорила Лоренца с мужем, но, когда мистрисс Скотт вечером подошла к условленному окну, оно было темно и только в лаборатории графа чуть светился красноватый огонь. Наконец показался слабый огонь свечи, рама полуоткрылась, к ногам Мэри упал сверток, и в снежной тишине раздалось: «Восемь».

В свертке оказалась гинея, завернутая в бумажку, на которой было написано то же число 8.

Графиня выезжала с португалкой, главным образом, за покупками. Она покупала из любви покупать, ей нравилась почтительность приказчиков, светлые или полутемные лавки, загроможденные массою интересных, красивых и дорогих предметов, приходящие и уходящие покупательницы, шуршанье материй, разговоры и споры, толкотня, запах духов и легкая пыль над прилавками. Она смотрела на лавки, как на женский клуб, свела немало мимолетных знакомств и никогда не отказывалась выпить чашку чая в маленькой комнатке за лавкой, стоя.

Однажды она встретилась с мистрисс Скотт. Лоренца ее узнала, а Мэри все время поводила глазами, будто ища кого-то, и, увидя Лоренцу, успокоилась, однако не подошла к ней, а, наклонившись над голубым кашемиром, стала тихонько говорить с приказчиком. Вскоре вошли Вителлини и косоглазый Скотт. Лоренца потеснилась к Мэри и заговорила весело:

– Дорогая мистрисс, рада вас видеть! Я думала, что вы уехали! Помните, вы собирались сделать что-то в этом роде! Как ваш супруг, вы, кажется, были не очень довольны его образом жизни... Надеюсь, теперь все благополучно?

Мэри печально ответила:

– Благодарю вас, графиня. Теперь все более чем благопо-

лучно. Пусть небо наградит графа! Я была у него (не думайте, что я неблагодарна), но вас не было дома в то время.

– Он мне ничего не говорил. Жалко, что меня не было.

Лоренца вынула табакерку и предложила мистрисс Скотт, но та живо возразила:

– Позвольте, я вас лучше угощу. Небывалый табак, он смочен в меду и продушен резедой, кроме того, к нему подмешана китайская травка.

– Не вредно ли? – спрашивала Лоренца, набивая маленькую ноздрю.

Скотт и Вителлини были совсем рядом и кланялись ей.

– Восхитительно! Никогда ничего подобного не нюхала. Синьора Блевари, попробуйте (вы позволите?), нужно дать и Психее.

Лоренца смеялась и чихала, совала в нос португалке, которая, обороняясь и пятясь, наступила на моську. Приказчики улыбались и приостановили хлопать свертками материй, так как все покупательницы повернулись спиной к прилавку, наблюдая происходившую между Лоренцой и мистрисс Скотт сцену: места в трех поднимался пар от чайных чашек, не видных в толпе.

– Благодарю вас, – сказала Лоренца, отдавая коробочку владелице.

– Нет, нет, графиня, оставьте у себя. Это – слабое выражение мое благодарности.

– Зачем, дорогая мистрисс? Конечно, табак восхитителен,

но я даже не знаю, куда его пересыпать! Я не хочу мешать его с моим. Джо (обернулась она к лавочному мальчику в длинном зеленом фартуке)! Нет ли у вас пустой табакерки?

– Я не позволю! – вступилась Мэри. – Вы примете от меня этот маленький подарок не иначе как с коробочкой: она не слишком плоха!

Табакерка была золотая с эмалированной крышкой, где был изображен охотник, целящийся в утку и не замечающий, как из реки вылезает осторожно испуганная купальщица. Посмотрев, Лоренца сказала задумчиво:

– Табакерка очень хороша, но я не могу ее принять, она слишком дорога, граф будет недоволен.

– Почему? Почему? Граф не будет вмешиваться в маленькие женские любезности, поверьте. Если вы ко мне расположены хоть немного, вы сохраните эту безделку. Я ее не покупала, это досталось мне от покойной тетушки. Не пренебрегайте мною, умоляю вас. Я смотрю на вас как на благодетельницу, я встану на колени и не подымусь, пока вы не согласитесь исполнить мою просьбу.

Мэри говорила почти с неприличной страстностью; в толпе перешептывались, пожимали плечами, рассматривали через плечо графини табакерку; кто-то, поднявшись на цыпочки, пролил чай на Психею, которая зачихала; становилось неловко и комично. Лоренца все стояла, вертя коробочку в руках.

– Нет, мне не следует этого делать! – проговорила она.

Мэри с шумом бросилась на колени, свалив платьем с ног какого-то карапуза, приведенного бабушкой, который тотчас заревел и не покатился только потому, что вокруг было слишком много ног.

– Графиня, я вас умоляю.

– Встаньте, встаньте, дорогая мистрисс! Я беру ваш подарок, благодарю вас.

Мэри вскочила еще быстрее, чем опустилась, и стала с жаром целовать Лоренцу. Дамы, видя представление оконченным, повернулись снова к прилавкам, зашуршали шелка, сукна и кашемиры; ребенок успокоился, и Психея перестала чихать.

Калиостро был очень недоволен этой историей, которую Лоренца рассказала ему вечером, но он был рассержен окончательно, когда оказалось, что в табакерке двойное дно и в тайном помещении находилось ожерелье значительной ценности и золотой футлярчик, где вместо зубочисток были вложены свернутые банковые билеты. Он раскричался на графиню, будто она была виновата, говорил, что знает эти штуки, – мошенники хотят подкупить Лоренцу, а потом опять вымогать у него предсказанья. Лоренца, которая уже надела ожерелье и разглаживала на столе рукою свернувшиеся билеты, заметила спокойно:

– Неизвестно еще, будут они к вам обращаться или нет. От вас зависит не давать им больше указаний. А если они – мошенники, так им и нужно. Эти деньги мои, и никуда я

их отсылать не буду. Я была глупа, что призналась вам во всем. Я вас не спрашиваю, откуда у вас деньги, когда вы их не зарабатываете, и вам нет дела до моих денег.

– Лоренца! – возвысил голос граф.

– Ну что ж? Я знаю, что я Лоренца!

– Как вы говорите со мною?

– Приросту. Я еще раз скажу, что денег я отсылать не буду.

– Из этого могут произойти немалые бедствия.

Графиня пожала плечами;

– Вы можете ошибаться, Александр. Если бы вы никогда не ошибались, вы видели бы, с кем имеете дело, и не водились бы со всякою дрянью.

Помолчав, Калиостро промолвил будто про себя:

– Пусть все совершается, что предназначено: может быть, так будет лучше!

Вероятно, Лоренца не слышала, что говорил муж, потому что, помолчав, заметила только:

– А может быть, мы ошибаемся, и мистрисс Скотт вовсе не мошенница. С вашей помощью она выиграла много денег и захотела в моем лице вас отблагодарить. Нужно отдать ей справедливость, она сделала это очень деликатно. И я почему-то уверена, что она больше не будет к вам обращаться за отгадыванием лотерейных номеров.

– Дай Бог, но для большей верности мы переменим квартиру, чтобы меня не так скоро отыскали.

И граф, и графиня оказались правы: супруги Скотт не спрашивали больше лотерейных номеров, но, конечно, очень подходили под определение «мошенники».

В начале 1777 года Калиостро переехал на другую квартиру, как раз попав в тот дом, где верхнее жильё снимала Мэри, но последняя только раскланивалась при встречах, не делая попыток вытянуть у графа деньги и не стараясь сблизиться с Лоренцой. Ее вид заставлял подозревать какой-то план, который и не замедлил обнаружиться. Может быть, граф и подозревал его и имел предчувствия, но 7 февраля его очень удивил вечерний визит судебного пристава и шести полицейских, явившихся, чтобы арестовать его за долг Мэри Фрей в размере двухсот фунтов стерлингов.

Калиостро ответил, что он не знает никакой Мэри Фрей, не подозревая, что мисс Фрей и мистрисс Скотт – одно и то же лицо, и что он никому ничего не должен, но ему показали бумагу, где его долг подтверждается клятвенными заявлениями самой мисс Фрей и двух свидетелей.

Калиостро пожал плечами и хотел было уже идти за сбирями, как вдруг в соседней комнате послышался шум и звук ломаемой мебели. Быстро отворив двери, он увидел, что двое людей старались открыть стенной шкаф, где хранились его рукописи и разные мелкие, необходимые для опытов вещи,

меж тем как разбросанные бумаги, вскрытое бюро и вообще полный беспорядок ясно показывали, что злодеи определенно чего-то ищут, пренебрегая ценностями и деньгами, которые лежали нетронутыми.

– Арестуйте взломщиков вместе со мною! – закричал граф, обращаясь к полицейским. – Какого еще надо доказательства их преступления?!

– Мы действуем на основании закона! – отвечал один из них, косоглазый, которого Калиостро где-то видел.

– Они действуют на основании закона! – как эхо повторили полицейские.

Граф яро оглянулся, но сдержался, только, скомкав платок, бросил его в стену и презрительно воскликнул:

– Закон! – Потом прибавил насмешливо: – Для вас будет совершенно бесполезно то, чего вы ищете, как греческая грамматика водовозу.

– А разве граф знает, что мы ищем? – обратился к нему косой.

Калиостро не ответил на вопрос, но, выходя из дома, остановился и произнес торжественно:

– Вы думаете, мне трудно было бы освободиться от вас сейчас же и всем доказать свою невинность? Но еще не пришло время. Пусть совершается правосудие, чтобы обратившие на меня его меч от него же погибли!

Мистер Скотт (теперь Калиостро точно узнал его) ответил:

– К сожалению, английское правосудие, как и всякое, имеет не только глаза завязанными, но и уши заткнутыми, так что ни прекрасные речи, ни важные мины на него не действуют. Оно только взвешивает, а иногда и вешает. Но граф сам был похож на Фемиду: ничего не слыша и даже, кажется, не видя, он шлепал по грязи между полицейскими, изредка взглядывая на пасмурное лондонское небо.

Действительно, сворованная мистером Скоттом книга, где были записаны изыскания графа о лотерейных билетах, и коробочка с красным порошком оказались совершенно ненужными. А между тем вся история была затеяна именно для того, чтобы добыть этот манускрипт, с помощью которого, по уверению Вителлини, и без Калиостро можно было угадывать номера, и красный порошок, необходимый для обращения любого металла в золото. Мошенники воспользовались английским законом, по которому кредитору, подтвердившему под присягой и нашедшему двух клятвенных свидетелей, что такой-то ему должен, давалось право подвергнуть аресту должника. Надеясь во время суматохи выкрасть нужное им, Скотт сам отправился вместе с полицейскими, часть которых была с ними в доле.

Вителлини долго рассматривал рукопись со всех сторон, наконец объявил, что часть ее написана по-еврейски. Привлеченный по этому случаю к делу мистер Симонс, оптик, сказал, что книга написана по-арабски. Не имея возможности найти араба, Скотт посоветовал Вителлини почитать ее,

перевернувши зеленый козырек задом наперед, лишил его участия в будущем барыше, а сам подал еще две жалобы на графа, обвиняя его в вымогательстве и колдовстве.

Английское правосудие длилось почти год, пока не обнаружилась истина и граф Калиостро не был оправдан. Даже поручители от него отказались и, похитив из места его жительства, перевезли в Кингсбенгеvu тюрьму. То его отпускали на поруки, то сажали в темницу, то разлучали с Лоренцой, то вновь соединяли, но граф хотел, чтобы все шло чисто юридическим путем, и только в декабре 1777 года Калиостро, оправданный, реабилитированный, покинул Лондон, потеряв за время суда три с половиной тысячи гиней. Оправдались и слова графа относительно меча правосудия. Из четырнадцати главных его обвинителей и судебных врагов в течение года десять умерло, не будучи ни старыми, ни особенно болезненными, и только четверо остались в живых, завидуя мертвым: прокуроры Райнольс и Айлет, выставленные к позорному столбу за лжесвидетельство, судебный пристав Саундерс, заключенный в тюрьму, и, наконец, мистер Скотт, скрывшийся в глубь Шотландии, где без друзей, без крова, он влачил свое существование, с ненавистью видя богатство и благосостояние других.

И Мэри Фрей с чистыми глазами, и старый Вителлини с зеленым козырьком, и добрая синьора Блевари – все, все ушли в ту страну, где нет ни лотерей, ни табакерок, ни судов, кроме нелицемерного Божьего суда.

Книга вторая

1

После Лондона Калиостро больше года провел в странствиях, хотя и вся его жизнь со времени отъезда из Рима — не что иное, как странствие, не только в том смысле, что всякий рожденный человек есть путник на земле, но и в смысле самого обыкновенного кочевания с места на место. Пробыв некоторое время в Брюсселе, где он несколько поправил свои расстроенные денежные дела, отчасти получив субсидии от друзей, отчасти увеличивая бриллианты, граф посетил Голландию, Льеж и многие города Германии. Будучи посвященным масоном, он повсюду встречал сердечный привет у братьев-каменщиков и вступил в голландскую ложу, называемую «Большую», и в льежскую «Совершенного равенства». Везде он высказывал свои убеждения относительно доктрины и ритуала, изложенные им впоследствии под названием «Египетского посвящения», советовал остерегаться суеверия и политики и старался уничтожить влияние португальца Хименеса и английского раввина Фалька. А Фальк был не последний чародей: это он дал герцогу Орлеанскому талисман, разбить который впоследствии удалось только молитве г-жи de la Croix. Тогда Филипп Эгалите побледнел в

Конвенте и лишился чувств.

Так как часто не только свою миссию, но и происхождение, и имя граф Калиостро скрывал, то в некоторых местах его принимали недоверчиво и совсем не за того, кем он был. Так, например, в Кенигсберге барон Корф считал его за подосланного иезуита и так возбудил против него все общество, что граф принужден был покинуть город. Говорили, будто он – С-Жермэн, чего он не опровергал; сам же себя он именовал иногда графом Фениксом и графом Гара, будто умышленно усиливая мрак и путаницу вокруг своей личности.

В самом конце февраля 1779 года граф и Лоренца прибыли в курляндский город Митаву и остановились в гостинице на базарной площади. Они приехали около полудня, и Калиостро решил отдохнуть, раньше чем идти к г-ну Медем, к которому у него было рекомендательное письмо. Были уже сумерки, и растаявшая за день земля снова замерла. Со двора, через который нужно было проходить в дом г-на Медем, доносились детский крик и громкие взрывы смеха. Калиостро обернулся и увидел невысокую ледяную горку, с которой на широких саночках катались трое малюток, четверо или пятеро остальных прыгало и смеялось на деревянной верхушке горы, тормоша высокую девушку лет восемнадцати в меховой шапке с наушниками и с большой полосатой муфтой. Лицо ее, круглое и румяное, освещенное последним отблеском зари и снега и оживляемое детским весельем, казалось почти сияющим. Короткая полудетская юбка

позволяла видеть маленькие ноги, обутые в высокие валеные сапожки, отороченные мехом. Она смеялась и бросала вслед катившимся куски скатанного снега.

– Лотта, Лотта, катись за нами! – кричали ей снизу.

– На чем я покачусь? На своей шубке? Возвращайтесь скорее с санками.

Потом, подобравши шубку, она стала усаживаться в широкие, но все же слишком тесные для взрослого человека санки, к общему веселью детей.

– Ну, кто со мною?

– Я! я! И я, Лотхен, и я!

– Ну, вались все кучей!

И она сгребла действительно смеющейся и визжавшей кучей всех желающих. Санки тронулись. От неправильной тяжести свернули в сугроб, опрокинулись, и все пассажиры рассыпались и покатались уже самостоятельно, без санок, в разные стороны, теряя шапки, рукавички, мелькая ногами в теплых пестрых чулках, крича от испуга и восторга. Сама Шарлотта долго не могла встать от смеха. Наконец ее подняли общими усилиями, и она, отряхнувшись от снега, легкой походкой в кругу детей отправилась к дому.

Калиостро, сняв шапку, спросил:

– Как пройти к г-ну Медем?

Девушка остановилась в некотором изумленье.

– Вы к папе?

– Я к графу Медем, я не знаю, батюшка ли он вам.

– Да. Это мой отец. У меня еще есть дядя, тоже Медем... Я сейчас вас проведу. Подождите, дети, не ходите за мною и поклонитесь господину.

– Не беспокойтесь, я сам дойду, вы мне только укажите вход. Я не хочу мешать вашим развлечениям.

Девушка покраснела.

– Вы давно смотрите, как мы дурачимся?

– Довольно.

– Вы, наверное, подумали: какая глупая девушка, уже взрослая и возится с ребятами. Я люблю детей.

– Это делает честь вашему доброму сердцу.

– Ах, Лотта такая добрая, такая добрая!

– Сестрица совсем как ангел!

– Тише, дети, тише!

– Это ваши братья и сестры? – спросил граф.

– Не все.

– Нет, все, ты всем сестрица, всем!

– Видите, как вас любят.

Шарлотта стояла, опершись рукою на голову самого маленького, и, улыбаясь, ответила:

– Вы их простите, сударь, они маленькие дикари и говорят без прикрас. И еще простите, что случайно вам пришлось попасть в такое шумное общество.

– Мне случай дал возможность быть свидетелем очаровательной сцены.

– Благодарю вас! – ответила девушка, приседая, потом,

указав графу подъезд и подождав несколько секунд, вдруг спросила вдогонку: – Вы не из Берлина, сударь?

– Моя последняя остановка была в Кенигсберге, но я был и в Берлине.

– Вы граф Калиостро?

– Да, это я.

– Вас ждут.

Граф поклонился и продолжал идти к высокому крыльцу.

2

Если вообще Калиостро ждали в семействе Медем, то в данный вечер, казалось, никто не был приготовлен к его появлению.

Два брата Медем, нотариус Гинц и г-жа Кайзерлинг спокойно играли в карты при свечах и со спущенными шторами. Графиня Медем, г-жа Биреп и молодая г-жа Гратгауз рядом вязали за круглым столом; в соседней комнате кто-то играл на фортепиано; при каждом громком пассаже собачка поднимала голову и ворчала, а г-жа Кайзерлинг, не отрываясь от карт, кричала:

– Тихо, Фрид! Это советник Швандер играет Гайдна.

Все в порядке.

Через три комнаты служанка резала хлеб и расставляла тарелки; парень с фонарем стоял у порога, принесся молоко с погребя, и говорил о погоде.

Все было в порядке, все было, как всегда, в этот мирный митавский вечер.

Приезд незнакомого человека нарушил спокойствие ужина. Прочитав переданное ему письмо, Медем поцеловался с графом и, показав на него рукою своим семейным, произнес:

– Это он.

Когда дошла очередь пожать руку Калиостро до советника Швандера, последний, посмотрев на гостя поверх очков,

спросил:

– Не граф ли Феникс вы в одно и то же время?

– Да, я иногда называюсь и этим именем, когда нужно соблюдать особенную тайну. Я думаю, что это не меняет дела.

– О, конечно! Нам писал о вас майор Корф.

– Из Кенигсберга?

– Вы угадали.

Калиостро нахмурился. Г-жа Кайзерлинг, складывая и раскладывая карты, которые она держала в руке, заметила про себя:

– Советник верен себе, как часы!

Калиостро сдержанно, словно с неохотой, произнес:

– Г. Корф прекрасный человек, насколько я могу судить...

– Прекрасный, вполне достойный! – с ударением подтвердил Швандер. – Но иногда легкомысленно судит о некоторых вещах и людях, которые вполне заслуживают более серьезного и осмотрительного отношения к ним!

– Вы отлично говорите, но я думаю, что в вещах важных именно эта-то осмотрительность и руководит всегда майором.

Граф, очевидно, начинал приходить в волнение и даже некоторый гнев. Осмотревшись, он говорит:

– Меня удивляет ваше недоверие, господа. Когда я снабжен такими письмами от обществ...

– Вы их показывали и в Кенигсберге?

– Конечно!

– И, однако, они не убедили майора!

Калиостро только мигнул глазами и продолжал:

– Я приезжаю в дикую и варварскую страну...

– Позвольте, господин гость! Не следует порочить тех людей, которые оказывают вам гостеприимство. Мы вовсе не так дики, как вам угодно думать: у нас есть посвященные и общество; кроме того, почтенный доктор Штарк уже давно преподает нам церемониальную магию.

– Церемониальная магия! – нетерпеливо воскликнул граф и обернулся.

На пороге стояла Анна-Шарлотта Медем, окруженная теми же детьми. Калиостро быстро подошел к ним.

– Тут есть какой-нибудь ребенок нездешний?

– Как нездешний? – спросила Шарлотта. – Они все из Митавы.

– Я хотел сказать, не из этого дома.

– Вот маленький Оскар Ховен, ему давно пора домой! – ответила девушка, выдвигая вперед мальчика лет шести.

– Нет! – проговорил тот, упираясь.

– Как, ты не Оскар Ховен?

– Не надо домой!

– Пусть он останется на полчаса! – сказал Калиостро и затем продолжал властно, будто отдавая приказание: – Остальные дети пусть удалятся. Пошлите письмо к г-же Ховен, пусть узнают, что она делала в семь часов, подробно и точно. Здесь все свои?

Медом молча наклонил голову в знак утверждения.

Заперев двери, Калиостро положил руки на голову маленького Оскара и поднял глаза к небу, словно в мысленной молитве. Затем произнес странным голосом, совсем не тем, что говорил до сих пор:

– Дитя мое, вот книжка с картинками, ты увидишь там маму. Говори все, что заметишь.

При этом он обе руки сложил тетрадкой и поместил их ладонями к глазам малютки. Тот вздыхал и молчал, его лоб покрылся испариной. Было так тихо, что было слышно, как потрескивают восковые свечи на карточном столе и тихонько ворочается собака.

– Говори! – повторил Калиостро еле слышно.

– Мама... мама шьет, и сестрица Труда шьет. Мама уходит, кладет шитье, подвигает скамеечку под диван... сестрица одна... ай, ай! Что это с сестрицей? Как она побледнела... держит руку у сердца. Вот опять мама, она целует Трудю, помогает ей встать... А вот пришел Фридрих... он в шапке... кладет ее на сундук... обнимает маму... Трудю улыбается... Фридрих очень красный...

Ребенок умолк. Все оставались неподвижно на местах, часы тикали. Лицо мальчика перестало быть напряженным, и он заснул спокойно. В двери постучали.

В письме г-жи Ховен было написано:

«В семь часов я шила с Гертрудой, потом вышла по хозяйству. Вернувшись в комнату, я увидела, что с

дочерью сердечный припадок, она была страшно бледна и рукою держалась за сердце. Я очень испугалась, стала ее целовать, стараясь перевести в спальню. Тут совершенно неожиданно для нас вошел Фридрих, который вернулся из имения раньше срока и которого мы считали за десять верст от Митавы. Дочери стало легче, так что она даже стала улыбаться. Тут пришел ваш посланный, и вот я пишу».

Медем читал письмо вслух. Не успел он его окончить, как Шарлотта через всю комнату бросилась к Калиостро, смеясь и плача, стала целовать ему руки и колени, восклицая, словно исступленная:

– Дождались, дождались! О, учитель! Какой счастливый день!

– Милое дитя! – нежно сказал Калиостро, целуя Шарлотту в лоб и поднимая ее с пола.

Граф Медем почтительно подошел к Калиостро и сказал, наклоняя голову:

– Учитель, простите ли вы нашу недоверчивость, наше сомнение? Поверьте, только желание искреннего рассмотрения и добросовестность заставили нас не сразу раскрыть сердца. Дни лукавы, а врагов у братьев немало.

3

Порыв Шарлотты никого, по-видимому, не удивил. Она была известна как девушка экзальтированная, порывистая и переменчивая. Обладая острым, слегка насмешливым умом, прекрасным и благородным сердцем, детским и мечтательным характером, она пользовалась большим влиянием не только в семейном кругу и у митавских масонов, но многих людей, даже мало ее знавших, так что ее мнения и поступки иногда служили совершенно неожиданными примерами. Но в кружке Медемов перемены настроений непостоянной Шарлотты действовали, может быть, более, чем следовало, и отражались неизменно, как давление атмосферы на барометр, так что Калиостро даже сам не предполагал, какую одержал победу, покорив сердце девушки.

Кроме того, имея через отца большие связи, Анна-Шарлотта их энергично поддерживала, будучи яростной корреспонденткой, и, сидя в Митаве, имела новости, привязанности, поручения, дела, безделье, сведения о книгах, автографы знаменитостей почти из всех городов Германии, России, Польши, Франции и Англии. Она знала почти все европейские языки и была хорошей музыкантшей, играя на фортепьяно, скрипке и арфе и обладая приятным, несколько сухим голосом.

На следующее утро Лоренце сделали визит Шарлотта с

матерью, ее тетка, г-жа Кайзерлинг и другие дамы их кружка, а скоро граф и графиня переселились к Медемам, чтобы Калиостро удобнее было наставлять своих новых учеников. Пошли весенние дожди, не позволяя часто выходить из дому. Калиостро был всецело занят устройством новой лжи, и даже часть дома Медемов переделывали специально, чтобы можно было собираться и делать опыты ясновидения, точно следуя указаниям нового учителя. Лоренца несколько скучала, хотя и подружилась с Шарлоттой. Но идеалистическая экзальтированность девицы Медем не очень нравилась итальянке и была ей даже непонятна, так что графиня чаще проводила вечера за картами с пожилыми дамами.

Это было уже в начале апреля. Граф пошел погулять по уединенной дороге, редко обсаженной березами и ведущей к кладбищу. На середине пути было выстроено довольно неуклюжее круглое сооружение с тремя окнами, называвшееся «кладбищенской беседкой», туда никто не заходил, так как оно стояло в стороне и казалось малопривлекательным с виду. Сюда-то и зашел Калиостро не столько отдохнуть, сколько для того, чтобы остановить быстро бегущие мысли, которые рисовали уже ему Петербург, куда он намеревался отправиться, двор, северную Семирамиду, будущую свою славу, влияние и новые путешествия, новые успехи, новые ученики. Калиостро отгонял эти мысли, но когда случалось ему быстро ходить, особенно одному, всегда эти картины, эти мечты приходили ему в голову. На этот раз графу показав-

лось, что его место уже занято, так как из беседки раздавались голоса, но оказалось, что внутри никого не было. Калиостро заглянул в окно; оказалось, что по другую сторону здания, где был пустырь, находилась скамейка, где теперь сидело двое молодых людей, одного из которых граф сейчас же узнал за брата Анны-Шарлотты, молодого Амедея Медем, другой ему был неизвестен. Они продолжали разговор громко, очевидно не думая, что их кто-нибудь услышит, к тому же зная, что место очень пустынно.

– Я так измучился в разлуке! – говорил тот, кого граф не знал. – Я считал не только дни, часы там, вдалеке от всех вас, от тебя, от ненаглядной Шарлотты... Помнит ли она обо мне?

– Она тебя любит по-прежнему... но теперь... отец ведь запретил говорить о тебе после того, как ты поссорился со своим батюшкой...

– С тех пор как разнесся слух, что отец лишил меня наследства и выгнал из дома?

– Зачем так горько говорить? Конечно, отец, желая сделать свою дочь счастливой, не может опираться на одни твои чувства.

– А и на капитал?

– Не на капитал, а на твое положение и доброе имя. Сестра и сама могла бы всем пренебречь, если бы...

– Если бы меня любила?

– Она тебя любит, Петр. Ты не можешь ничего сказать

против этого. Это верно. Но она не хотела огорчать отца. Вообще здесь все против тебя очень восстановлены.

– И это из-за детской шалости!

– Из-за детской шалости!

Молодые люди помолчали. Потом Амедей спросил:

– Как ты вернулся? Ты помирился с бароном, или этот поезд навлечет на тебя еще больший гнев?

Слышно было, что тот только вздохнул.

– Что же, Петр, ты не отвечаешь, или ты уже не считаешь меня своим другом?

– Я не изменился, я все тот же Петр Бирен, но я никому бы не посоветовал уезжать на полгода; самые крепкие, самые священные привязанности не выдерживают такого срока. О, Лотта!

– Я тебя уверяю, что сестра моя любит тебя по-прежнему. И вот что я предложу тебе! Если ты явился тайком и не хочешь, чтобы тебя видели, поселись в моей рабочей комнате, туда никто не ходит, а обед я тебе буду носить, как тюремщик. Может быть, я даже намекну Лотте и устрою вам маленькое свидание.

– Амедей, ты настоящий друг!

– А ты не верил этому? Но пойдем. Становится темно. Но все-таки в Митаве трудно прожить инкогнито...

Действительно, становилось темно, в зеленоватом небе загорелись звезды, и едва можно было различить лужи на дороге. Калиостро, подождав, когда уйдут друзья, стал уходить

тоже, как вдруг ему показалось, что по дороге мелькнула серая тень. Будучи полон только что слышанного разговора, граф крикнул в сумерки:

– Шарлотта! Анна-Шарлотта!

Тень остановилась. Калиостро быстро по лужам подошел к ней; действительно, это была сестра Амедея. Она была в сером плаще и вся дрожала.

– Отчего вы здесь, дитя мое, и в такой час?

Желая преодолеть волнение, она ответила, стуча зубами:

– Я могла бы задать тот же самый вопрос вам, граф.

– Мне никто не может задавать вопросов. Но вы вся дрожите, вам холодно... Куда вы идете?

– Туда! – ответила девушка тоскливо, протягивая руку вперед.

– На кладбище?

Шарлотта кивнула головой.

– Зачем? Что за безумие!

– К брату.

– К вашему брату Амедею?

– Нет, к моему брату Ульриху!

Она отвечала монотонно и уныло, вроде ясновидящей, была совершенно непохожа на ту Лотту, что каталась с горы в детской куче, но Калиостро, успевший несколько привыкнуть к характеру Анны-Шарлотты, уже не удивился этим переменам. Между тем девушка продолжала:

– Мой брат Ульрих скончался прошлый год... О, ни од-

на душа не была мне так близка, как его! Она и после смерти имеет постоянные сношения со мною. Я слышу его голос... чувствую его мысли, желания!... Это странное и сладкое блаженство. Учитель, не препятствуйте мне.

Она продолжала дрожать и, казалось, сию минуту могла упасть. Калиостро взял ее за руку.

– Разве ваш брат здесь похоронен?

– Нет, он похоронен в Страсбурге, но он любил это место, и его душа охотно сюда прилетает.

– Успокойтесь! Она уже здесь. Вы слышите?

Выплыла неполная и бледная луна, осветив лужи и колонны беседки; тихий ветер качнул прутья берез. Шарлотта закрыла глаза и склонилась на плечо Калиостро.

– Да, я слышу, я чувствую! Как хорошо! – шептала она.

Граф повел ее домой, закрыв от сырости полой своего плаща и поддерживая одной рукою. Она едва передвигала ноги и улыбалась, как больная. Тени от голых деревьев смутным рисунком бродили по лицу и фигуре идущих.

– Учитель, не оставляйте меня! – сказала Шарлотта.

Калиостро, помолчав, ответил:

– Скорее вы меня оставите, дитя мое, чем я вас покину.

– Я вас оставляю? Это может случиться, если вы оставите сами себя! – с жаром прошептала Шарлотта и снова склонилась на его плечо.

Старуха Медем, видимо, была расстроена и невнимательно слушала Шарлотту. Та сидела на низеньком табурете и пела, аккомпанируя себе на арфе. Казалось, девушка похудела, хотя лицо ее не было меланхолическим, а освещалось скрытой, чуть теплившейся надеждой. Последние дни Анна-Шарлотта была особенно неровна, то молча сидя часами, то вдруг прорываясь какой-то буйной радостью. Сегодня был день тихой, элегической грусти. И романс, который она пела, подходил к ее настроению. В нем говорилось о разлученных влюбленных, которые одиноко поверяют свои жалобы, одна – лесным деревьям, другой – морским волнам, и арфа передавала то влюбленные стоны, то шум дубравы, то морской тихий прибой. Окончив песню, девушка не поднималась, а рассеянно перебирала струны, словно не желая, чтобы звуки улетели бесследно.

– Чьи это слова, Лотта? Я что-то позабыла.

– Чьи это слова? – задумчиво повторила Шарлотта и поправила волосы.

– Да. Ты сама, верно, не знаешь.

– Нет, я знаю очень хорошо.

– Чьи же?

Шарлотта улыбнулась.

– Имени этого поэта я не могу произносить в вашем доме.

– Что за странное выражение «в вашем доме»? Разве дом твоих родителей вместе с тем не твой дом, дитя мое?

– Конечно, так, но не я устанавливаю в нем разные правила и запрещения, я подчиняюсь и нисколько не выражаю неудовольствия.

– Можно подумать, что ты в тюрьме.

– Никто этого не подумает, милая мама, и я не думаю.

Мать подошла к Шарлотте, все продолжавшей сидеть на табуретке, и прижала голову к своей груди.

– Любишь? – спросила она, помолчав.

Девушка ответила, слегка усмехаясь:

– Ты видишь, я благоразумна и скрываю довольно хорошо свои чувства. Я не настолько люблю того, кого нельзя здесь называть, чтобы из-за этой привязанности забыть все, но я ни за кого не пойду замуж, кроме как за него. Я думаю, что я этим никому не причиняю огорчения.

– Бедная Лотта! – проговорила г-жа Медем и задумалась.

– Но, мама, что с тобою? Ты сама чем-то расстроена.

– Нет, ничего!

– Ну как же ничего! Я вижу, чувствую. Ты не сможешь обмануть моего сердца. Скажи, дорогая, скажи, как я тебе сказала.

Г-жа Медем вздохнула и тихо ответила:

– Очень горестно ошибаться в людях, встречать вместо дружеского участия черствый педантизм. Особенно в тех людях, к которым идешь с открытым сердцем...

Не зная, к чему ведет свою речь старая дама, Шарлотта глядела вопросительно и молчала, ожидая продолжения.

– У меня случились маленькие денежные затруднения, которые мне не хотелось доводить до сведения мужа и твоего дяди. Собственно говоря, это дело, подробности которого тебе нет необходимости знать, меня не очень огорчает. Меня огорчило совсем другое обстоятельство, имеющее, впрочем, касательство к этому делу... Я обратилась к графу...

– К графу Калиостро? – спросила дочь, нахмурившись.

– Да, к графу Калиостро, нашему учителю и другу.

– Простите, мама, что я вас перебиваю... Но что вам нужно было, деньги?

– Если хочешь, деньги, притом такие, о которых никто бы не знал. Я попросила графа прийти мне на помощь и употребить свои знания в алхимии и свой опыт в увеличивании брильянтов.

– Но мама! – воскликнула с упреком младшая Медем и даже слегка отстранилась от матери.

– Что «мама»? Он сделал бы доброе дело и поступил бы дружески по отношению к нашему семейству. Доктор Штарк, несомненно, это бы сделал.

Шарлотта молчала, крайне взволнованная; наконец беззвучно спросила:

– И что же граф?

– Отказал... Наотрез отказал. Сказал, что это все временные заботы (будто я не знаю, что это затруднение времен-

ное! Но я не святая!), что знание преследует другие цели, целую кучу вещей! Был надменен и неприятен. Боюсь, что наша дружба его портит.

Старуха хлопнула табакеркой и недовольно умолкла.

Молчала и Шарлотта, лицо ее сияло, из глаз текли слезы. Наконец она сползла к коленям матери и заговорила восторженным голосом:

– Он отказался, благодаренье Небу! Он отказался, а ты так просила! Милый граф, дорогой учитель, вы выдержали большое испытанье! Мама, мама, не огорчайтесь, вы были только орудием в Божьих руках. А затруднения, они минуют! Бог пошлет своего слугу, может быть, он уже на пороге, чтобы избавить нас, слабых, и от этих мелких забот!

Она целовала и гладила старую даму, как вдруг, взглянув в зеркало, вскрикнула и вскочила:

– Граф, и с ним... и с ним барон Петр фон Бирен!

– Шарлотта! – строго начала г-жа Медем.

– Раз он идет под руку с графом Калиостро, значит, можно произносить его имя: Петр фон Бирен, Петр фон Бирен! Возлюбленный мой.

И девушка спрятала свое пылающее лицо на груди г-жи Медем, которая, выпрямившись и насторожившись, смотрела на двери.

На пороге, улыбаясь, показался граф под руку с высоким молодым человеком с маленькой головой, прямым носом и выдающимся подбородком. Он то краснел, то бледнел, вер-

тел в слишком длинных руках треуголку, вообще казалось, что Калиостро насильно тащит упирающегося юношу.

Не дав времени заговорить г-же Медем, граф быстро и громко начал:

– Анна-Шарлотта права: имя этого молодого человека может звучать в этом доме, как имя всякого благородного и честного человека. Г-жа Медем, барон Петр фон Зирен является как ответ на ваше желание. Он помирился со своим отцом, со своею совестью и восстанавливается во всех своих правах. Только черствые сердца могут помнить прошлое, заглаженное раскаяньем и добродетелью, зло. Примите юношу из моих рук. Еще прибавлю: Петр Зирен любит вашу дочь и она – его. Не следует тушить чистого пламени их сердец, чтобы их души, ожесточившись, не загорелись тусклым огнем страсти. Г-жа Медем, я обращаюсь к вам как к матери, как к благородной и великодушной женщине, как к ученице – взгляните на них! У вас доброе сердце. Благословите их. Убедить вашего супруга берусь я.

Г-жа Медем долго молчала, смотря то на пришедших, то на застывшую на ее груди Шарлотту, наконец сказала:

– Добро пожаловать, молодой друг.

Калиостро заплодировал, проворчав: «Браво свату», и толкал барона, чтобы тот скорее целовал руку у будущей тещи, как вдруг Шарлотта, подняв свое заплаканное и смеющееся лицо, бросилась через всю комнату не к Бирену, а к арфе, быстро опустилась на табурет, рванула струны и, за-

кинув голову, запела полным голосом, на этот раз не казавшимся даже сухим:

Творца прославим: Он Велик!
Любовь – Он и благоволенье.
Святим в сердцах Господен лик,
Любви небесной отраженье.

Г-жа Медем стояла растроганная, прижав платок к глазам, опираясь с одной стороны на во весь рот улыбавшегося графа, с другой – на барона фон Бирена, не отводившего воспаленных и восторженных глаз с закинутой головы певицы. На пороге показался г. Медем, увидя группу, остановился, приложив палец к губам, будто прося не прерывать музыки, так как он все понял и на все согласился.

Деревья уже покрылись зеленым пухом, дороги просохли, запели птицы, пастухи уже недели две выгоняли стада в поле. Граф устроил особенную ложу, посвятив все семейство Медем, их родственников, семейство Ховен, советника Швандера, нотариуса Гинца, доктора Либбе и даже кенигсбергского майора Корфа, бывшего гонителя Калиостро, теперь приехавшего в Митаву и сделавшегося одним из самых ревностных учеников нового учителя. Граф делал последние наставления и проводил последние дни в кругу друзей, собираясь вскоре отправиться в Петербург. Предстоящее путешествие не очень нравилось митавцам, рассчитывавшим, что Калиостро надолго, если не навсегда, останется в их городе, но наставник понимал, что его деятельность не может ограничиться Курляндией и что, несмотря на крепкие сердечные привязанности, путь его лежит все дальше и дальше. Семейство Медем считало его вполне за своего человека, особенно Анна-Шарлотта и ее жених, видевшие в Калиостро благодетеля и виновника их счастья. Они мечтали, что он отложит свой отъезд до дня их свадьбы, но Шарлотта не просила об этом, зная, что дела более важные, чем ее личная судьба, занимают графа, и втайне надеясь, что к концу мая он вернется в Митаву. Сам Калиостро был озабочен и несколько рассеян; часто во время бесед он умолкал, все молча ждали его сло-

ва, через минуту он проводил рукою по глазам, извинялся и продолжал свою речь усталым, разбитым голосом.

13 мая было назначено последнее собрание. Лоренца уже уложила сундуки и баулы, потому что на раннее утро были заказаны лошади.

Все были печальны и нервны, как перед отъездом. По обыкновению, в комнату, где стоял стол с графином чистой воды, заперли «голубя» (на этот раз маленького Оскара Ховена, как и в день приезда Калиостро) и, прочитав молитвы, сначала спрашивали у него, видит ли он, что делается в зале, чтобы знать, готов ли он принять видения. По знаку Калиостро Шарлотта опустилась перед ним на колени, держа в руках карманные часики. Сам граф стоял у двери в маленькую комнату, чтобы лучше слышать ответы голубя.

– Видишь ли ты нас? – спрашивает граф.

– Вижу! – раздается из-за двери.

– Что делает Анна-Шарлотта?

– Стоит перед тобой на коленях, в руках у нее часы, на часах десять часов.

Все это вполне соответствовало происходившему.

– Что ты еще видишь?

За дверями было тихо.

– Что ты еще видишь?

Опять не было ответа. Все молчали и напряженно ждали. Шарлотта так и осталась, не вставая с колен. Вдруг в голубиной комнате нежно и внятно прозвучал поцелуй.

– О, небо! – прошептала Шарлотта.

Повременив, Калиостро снова спросил:

– Что ты видишь?

– Духа, он в белой одежде, на ней кровавый крест.

– Какое у него лицо, милостивое или гневное?

– Я не вижу, он закрыл лицо руками.

– Спроси об имени.

– Он молчит.

– Спроси еще раз.

– Он продолжает молчать.

– Спроси как следует.

– Он говорит... он говорит, что позабыл свое имя.

Калиостро побледнел и произнес дрожащим голосом:

– Что ты еще видишь?

Молчание. И снова нежно и внятно прозвучал поцелуй.

– Среди нас Иуда! – закричал на весь зал граф, смотря пылающим взглядом на Анну-Шарлотту.

Та закрыла лицо руками, поднялась среди общего смятения, но, когда, отведя руки, взглянула на неподвижного Калиостро, с криком: «Он сам» – упала на пол как бездыханная.

Лоренца долго не могла привыкнуть к петербургским белым ночам, она занавешивала тремя занавесками небольшие окна их квартиры близ Летнего сада, закрывалась с головою одеялом, даже прятала голову под подушку, напрасно: болезненная белизна, словно тонкий воздух или запах, проникала через все препятствия и томила душу, заставляла ныть сердце и кровь останавливаться.

– Ах, Александр, я не могу! – говорила графиня. – Мы живем слишком близко к полюсу!

На Калиостро целодневное светло не производило такого болезненного впечатления; наоборот, эти ночи нравились ему и удивляли его, как и все в этом странном городе. Ему даже казалось, что призрачный свет самое подходящее освещение для призрачного плоского города, где полные воды Невы и каналов, широкие, как реки, перспективы улиц, ровная зелень стриженных садов, низкое стеклянное небо и всегда чувствуемая близость болотного неподвижного моря – все заставляет бояться, что вот пробьют часы, петух закричит, – и все: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стеклянного неба. Все будет ровно, светло и сумрачно, как до сотворения мира, когда еще Дух не летал над бездной.

Дни были ясные, холодные и очень ветреные, пыль столбами носилась по улицам, крутилась около площадей и рынков, флаги бились кверху, некоторые офицеры ездили с муфтами, и сарафаны торговок задирались выше головы.

Первые шаги Калиостро в новом городе были не совсем удачны. Свиданье с майором Гейкинг, молодым кирасиром, повело к обоюдному неудовольствию, почти ссоре. Граф в первый свой визит не застал барона Гейкинга, который на следующее утро почтительно приехал к Калиостро. Но новый учитель не понравился молодому офицеру. Расстегнутый ворот домашнего платья, красное толстое лицо, сверкающие глаза, перстни с огромными (барону показались фальшивыми) камнями, быстрые движения, ломаный, полуфранцузский, полуитальянский язык, напыщенные обороты речи, властное обращение – все заставляло его думать, что он видит перед собою зазнавшегося шарлатана. Это впечатление не ускользнуло от внимания Калиостро. Он перестал бегать по комнате и, кротко обернувшись, прокричал:

– Вы сомневаетесь? Но я вас заставлю трепетать!

Барон усмехнулся и заметил сквозь зубы:

– Имейте в виду, что я способен дрожать только от лихорадки.

Калиостро все больше и больше вскипал. Опустив одну руку в карман, где бренчали монеты, и выставив другую в перстнях, он произнес:

– Видите эти брильянты, слышите золото? Это добыто мо-

ими знаниями, высокой наукой.

Гейкинг молча опустил глаза, будто стыдясь за своего собеседника. Граф вне себя заорал:

– У вас есть умерший дядя!

– Есть. Это ни для кого не секрет.

– Сейчас я вызову его тень, дерзкий мальчик.

– Вызывайте, но с одним условием. Я выстрелю в него из пистолета. Для тени это безопасно.

Калиостро секунду смотрел на барона, потом бомбой вылетел из комнаты. Гейкинг пожал плечами и стал тихо ходить по ковру, позвякивая шпорами. Лоренца, слышавшая всю эту сцену, ломала руки, не зная, что сделает граф, но минут через пять Калиостро появился переодетым в парадный кафтан и вежливо произнес:

– Может быть, г. барон не откажется откушать кофе?

Гейкинг отказался, они поговорили несколько минут об общих митавских знакомых и расстались, но офицер не мог позабыть смешного и подозрительного впечатления, которое произвел на него Калиостро, и рассказы Гейкинга о его свидании с графом немало повредили последнему.

Барон Карберон (впрочем, он получил баронский титул только в 1781 г.), наоборот отнесся очень приветливо и радушно к нашему герою. Он был убежденный духовидец, петербургский масон и большой друг Мелиссино, с которым вскоре и познакомился Калиостро. Выходку барона Гейкинга они объясняли тем, что тот имеет надменный характер и,

кроме того, очень горд своею принадлежностью к берлинской Ландложе, которая вообще несколько пренебрежительно относится к шведским и английским масонам.

Карберон устроил графу и прием ко двору. Императрица приняла Калиостро с улыбкой, но милостиво. Она уже охладела к масонам и хотя не преследовала их, но далеко не так покровительствовала, как лет пятнадцать тому назад. К тому же она убедилась, что они не так ей полезны, как она предполагала, а мечтательность и прекраснодушное фантазерство казалось ей смешным и опасным.

Калиостро показал несколько опытов во дворце. Екатерина внимательно следила, но потом произнесла:

– Bravo, граф! Но что сказал бы мой друг, покойный Вольтер?

Узнав, что Калиостро занимается медициной и лечит, она советовала ему обратить особенное внимание именно на эту отрасль знания, потому что облегчение человеческих страданий – достойное занятие мудреца.

Доктор Роджерсон самодовольно закашлялся, приняв замечание на свой счет, но посмотрел на Калиостро косо.

Первые пробы лечения Калиостро производил дома на своей жене, когда у нее болела голова или зубы. Понемногу он стал исцелять некоторые болезни, то пользуясь известными лекарствами, то составляя снадобья сам, то наложением рук без всяких медикаментов, то приказывая нездоровью, как слуге, покинуть болящего. Он вылечил барона Строганова от нервного расстройства, Елагина, Бутурлину и многих других. Наконец он избавил от неизлечимого рака асессора Ивана Исленева, чем особенно прославился в русской столице, потому что Исленев после выздоровления впал в какое-то восторженное слабоумие, запил и целыми днями бродил по улицам, прославляя приезжего чудотворца, а за ним следом бегала жена его, ища повсюду своего пьяного мужа.

Слава Калиостро распространялась по разным слоям общества; после господ к нему повалила челядь: лакеи, повара, кучера, фореиторы и горничные. С бедных он ничего не брал и даже снабжал их деньгами и платьем. Однажды он исцелил даже на расстоянии, сидя у Потемкина во дворце и не вставая с кресла. Со светлейшим его связывала крепкая духовная связь, так как Григорий Александрович с первой встречи полюбил графа и уверовал в его силу и знание. Впрочем, было еще одно обстоятельство, которое привлекало к Калиостро русского баловня и даже приводило его часто

в небольшие темноватые комнаты у Летнего сада. Потемкин полюбил не только графа, но и графиню, и сделал это, как и все, что он делал, без удержа и без оглядки. Калиостро, может быть, и замечал это, но смотрел сквозь пальцы, не придавая большого значения любовным историям, зная Лоренцу, в сущности, верной подругой и отлично понимая, что, во всяком случае, шума поднимать не следует.

Уже три месяца прошло, как граф приехал в Петербург; город уже не так удивлял чужестранца, и темные последние августовские ночи уже не томили бессонницей Лоренцу. У Потемкина горели три лампадки перед образами, и свет их мешался с алыми лучами заката. В окна был виден золотой пруд и круглые, светлые ивы. Сам светлейший в халате без парика сидел на низком диване и слушал печально и мрачно, что говорил ему бегавший по комнате Калиостро. Наконец тот умолк. Потемкин медленно, будто с трудом, начал:

– Регенерация, говоришь. Регенерация духа, возрождение... ах, граф, если бы верить, крупно верить, что это возможно! Что это не аллегория! Душа так истомилась, загрязнилась. Порою сам себе в тягость! Молитва? Но нужно, чтобы растопилось сердце, чтобы слова молитвы не тяжелыми камнями падали куда-то. И куда? С первого взгляда я полюбил тебя, поверил, но как преодолеть косность тела, плоти? Ох как трудно! Я понимаю, чувствую, что разорви цепи, путы тела, желаний наших маленьких, себялюбия, гордости, корысти, и сделаешься легким, как перышко, как стекло

светлым.

– Я говорил вам, ваша светлость, внешние наружные предписания, которые способствуют внутренней победе...

– Говорил, помню... Вроде наших постов. Что ж, это хорошо. Но вот что мне смешно. Скажем, построить дом в этом саду, аккуратный, с кухней и баней, и удаляться туда для духовного возрождения по известным числам! Вот что меня смешит. Нет, пустыня, так пустыня в лесу, в тундрах у Белого моря, с комарами и грязью. Или в шуме и пьянстве, ничего будто не меняя, вдруг измениться. Может быть, это еще труднее. А так, как ты говоришь, мне что-то не очень нравится. Это для немцев годится.

– Для всякого человека свои пути, свои правила спасения. Я думаю, ваша светлость, ваш путь возрождения не требует изменения ваших внешних привычек.

– Привычки-то у меня очень затруднительные.

– Вам помогут Небо и ваши друзья.

– Знаешь? На Бога надейся, а сам не плошай. А друзья? До первого чина, до первой бабы. Какие у меня могут быть друзья?

– Вы очень мрачно и несправедливо смотрите на людей.

– Поверь, справедливо. Да я ведь знаю, на что твой намек. Тебе-то я верю. Не верил бы – не говорил бы.

Граф поклонился. Потемкин, помолчав, добавил с запинкой:

– Еще меня одно смущает. Не отводишь ли ты меня от

церкви? Это ты брось.

– Помилуйте, ваша светлость, разве я говорил когда что-нибудь подобное? Наоборот, крепче держитесь за внешнюю церковь, особенно если она вам помогает.

– Ты очень свободный человек, граф, свободный и широкий. Ты во всем это так. Ведь я перед тобой виноват.

– Я не знаю вашей вины передо мною.

– Не знаешь?

– Не вижу никакой вины.

Потемкин усмехнулся.

– Ну, будь по-твоему: не виноват, так не виноват. Мне же лучше.

Когда Калиостро ушел, хозяин долго стоял перед окном, смотрел на потемневший уже пруд, перекрестился и обернулся.

В дверях стояла Лоренца, опершись рукой о косяк и улыбаясь.

– А, вот так гостя! Ты не встретила с мужем?

– Нет, а разве он был здесь?

Не дожидаясь ответа, Лоренца быстро подошла к Потемкину и обняла его.

– Светлость не в духе сегодня? Сердится, разлюбил?

– Фу как глупо!

Лоренца взяла со стены гитару и села под образами с ногами на диван.

– Цыганский табор?

Графиня запела вполголоса итальянскую песню. Потемкин сначала стоял у окна, потом подсел к Лоренце и, глядя ее ногу, слушал.

– Еще спой, пташка! – попросил он и тихо начал говорить, меж тем как Лоренца пела.

– Ты колдунья, Лоренца, как муж твой колдун. Ты зверек, заморская пташка, замороженная. Я люблю тебя за то, что ты хромая, тебе этого не понять. Ты не хромая. Ты хроменькая, убогенькая. Тебя нужно целый день носить на руках. И хорошо, пожалуй, что ты не русская. Ты обезьянка и тем нежнее мне. Я даже не знаю, есть ли в тебе душа.

Лоренца кончила и слушала причитанья Потемкина. Потом спокойно сказала:

– Светлость не любит бедной Лоренцы, он ее стыдится. Он никогда не возьмет ее с собой в театр или хоть прокатиться. Он боится.

Потемкин нахмурился.

– Бабья дурь! Мало я с тобой сижу. Кого Потемкин боится?

– Светлость сидит со мной! Это не то, не то. Что ж я для него, таракан, который должен сидеть за печкой?

Лоренца целовала его своими тонкими губами, закидывая голову и закрывая глаза. Лампада погасла. Потемкин твердил, наклоняясь сам всем телом к лежавшей:

– Пошла прочь, пошла прочь, обезьяна!

Наконец надолго умолк в поцелуе, отвалился и прошеп-

тал, улыбаясь:

– Славная регенерация!

8

В числе пациентов Калиостро был бесноватый, Василий Желугин, которого родственники посадили на цепь, так как он всех бил смертным боем, уверяя, что он – Бог Саваоф. Жил он где-то на Васильевском острове. Первый раз, когда графа ввели к больному, тот зарычал на него и бросил глиняной чашкой, в которой давали ему еду. Чашка разбилась о стену, а Калиостро, быстро подойдя к бесноватому, так сильно ударил его по щеке, что тот свалился на пол, потом, вскочив, забормотал:

– Что это такое? Зачем он дерется? Уберите его сейчас же.

Вторая оплеуха опять свалила его с ног.

– Да что же такое? Что он все дерется?

Калиостро схватил его за волосы и еще раз повалил.

– Да кто есть-то?

– Я? Марс.

– Марс?

– Да, Марс.

– С Марсова поля? А я Бог Саваоф.

Калиостро опять его ударил.

– Да ты не дерись, а давай говорить толком.

– Кто это? – спросил граф, указывая больному на его родственников.

– Мои рабы.

– А я кто?

– Дурак.

Опять оплеуха. Больной был бос, в одной рубахе и подштанниках, так что можно было опасаться, что он зашибется, но Калиостро имел свой план.

– Кто я?

– Марс с Марсова поля.

– Поедем кататься.

– А ты меня бить не будешь?

– Не буду.

– То-то, а то ведь я рассержусь.

У графа были заготовлены две лодки. В одну он сел с больным, который не хотел ни за что одеваться и был поверх белья укутан в бараний тулуп, в другой поместились слуги для ожидаемого графом случая. Доехав до середины Невы, Калиостро вдруг схватил бесноватого и хотел бросить его в воду, зная, что неожиданный испуг и купанье приносят пользу при подобных болезнях, но Василий Желугин оказался очень сильным и достаточно сообразительным. Он так крепко вцепился в своего спасителя, что они вместе бухнули в Неву. Калиостро кое-как освободился от цепких рук безумного и выплыл, отдуваясь, а Желугина выловили баграми, посадили в другую лодку и укутали шубой. Гребцы изо всей силы загребли к берегу, где уже собралась целая толпа, глазевшая на странное зрелище. Больной стучал зубами и твердил:

– Какой сердитый, вот так сердитый! Чего же сердиться-то? Я не Бог, не Бог, не Бог, ей-богу, не Бог. Я Васька Желугин, вот кто я такой! А вы и не знали.

– А это кто? – спросил граф на берегу, указывая на родителей Желугина.

– Папаша и мамаша! – ответил тот, ухмыляясь.

– Вы можете его взять домой, рассудок к нему вернулся, – молвил Калиостро.

Граф, желая отереть воду, струившуюся по его лицу, сунул руку в карман и не нащупал там табакерки, подаренной ему Государыней.

Васька, видя озабоченное лицо Калиостро, засмеялся.

– Табакерочку ищите? А я ее подобрал! – И откуда-то, как фокусник, вытащил золотую коробочку.

– Где же ты ее подобрал?

– У вашей милости в кармане и подобрал.

Граф обвел глазами присутствующих и молвил:

– Рассудок к несчастному вернулся.

– Понятно вернулся, раз табакерку своровал! – раздались голоса.

Тут ударила пушка с крепости. Большой закрестился, залопотал: «Не Бог, не Бог!» – и хотел выскочить из шубы и пуститься бежать в мокром белье, но его удержали. На набережной был и ассессор Исленев, и жена его; оба находились в сильном возбуждении, и ассессор казался пьяным. Калиостро хотел было ехать домой переодеться, так как, не рассчи-

тывая сам на ванну, не захватил с собою перемены платья, как вдруг к месту происшествия подкатила открытая коляска, в которой важно сидела Лоренца, а рядом нахмуренный Потемкин. Лоренца выскочила к мужу и стала его расспрашивать, но снова толпа шархнула, расступилась, и глазам всех предстала Императрица с маленьким зонтиком и лорнетом у глаз. Коляска Государыни остановилась почти у самого тротуара. Обозрев мокрого Калиостро, разряженную Лоренцу, смущенного Потемкина, мокрого же в одном белье из-под шубы Желугина и прочих, Екатерина улыбнулась и промолвила:

– Да тут все знакомые! Я думала, наводнение, а это граф чудесит. Но что это за люди?

– Я не Бог, я не Бог, я Васька Желугин! – затараторил излечившийся, пытаюсь выскочить из своего тулупа.

– Что это за шут? Юродивый?

Екатерина нахмурилась.

– Разумейте языцы! – гнусаво и очень громко возгласил ассессор и ударил себя в грудь. – Целитель и спаситель, граф Калоша, благодетель! – он тянулся поцеловать у Калиостро руку, жена его тянула за полу, ваточный картуз свалился, а за ним растянулся и сам ассессор.

– Он пьян! – сказала Императрица. – Убрать, пусть проспится.

– Матушка, Государыня, десять лет ходил с раком!... – завопил было Исленев, но его подняли, уволокли.

– А кто же эта дама? – дальше спрашивала Екатерина, снова поднимая лорнет, который она опустила на время выступления Желугина и Исленева.

– Моя супруга, графиня Калиостро.

Лоренца присела чуть не до земли. Императрица долго смотрела на нее и на Потемкина, наконец, молвила:

– Я и не знала, что графиня так хороша.

– Для меня хороша, она мне жена.

– Ну, я думаю, что графиня и не для одного графа хороша! – сказала Государыня и дала знак трогать, но, обернувшись, еще добавила: – Что это, граф, я слышала вздор какой-то. Думаю, что враки. Ведь ты же полковник испанской службы, а Нормандес уверяет, что нет у них в списках полковника Калиостро. Путаает, наверно. Ну, будь здоров, не простудись.

Дела Калиостро пошли все хуже. Императрица стала к нему заметно холодна, с нею вместе и двор не так стал относиться к графу. Доктора с Роджерсоном во главе заволновались и стали распускать всякие сплетни про своего конкурента. Говорили, что он излечивает только нервных субъектов или мигрени. Про ребенка, которого он вернул к жизни, уверяли, что тот был просто подменен другим. Барон Гейкинг и граф Герц злословили и острили насчет Калиостро во всех салонах. Сам Потемкин стал как-то неровен и не так часто беседовал с учителем, предпочитая почти открыто выставлять Лоренцу как свою любовницу. Это грозило скан-

далом. Кавалер Карберон, Мелиссино и другие друзья советовали Калиостро уехать, тем более что Адам Понинский зывал графа в Польшу, а шведский король Густав тоже передавал свое приглашение, специально прислав в Петербург полковника Толля. Проборовшись с врачами почти год, Калиостро выехал из Петербурга в апреле 1780 года, причем полиции донесли, что граф выехал из всех застав. Везде его видели, и везде он оставил свою подпись. Куда он выехал с заплаканной Лоренцой, было неизвестно, но приехал он тем же апрелем в Варшаву.

В польской столице Калиостро встретили любезно и пышно. Приехавший раньше него Понинский всех предупредил о прибытии великого учителя, расхваливая его силу, будто это возвышало в общественных глазах и самого приглашавшего. Ложа тамплиеров ждала с нетерпением графа, ожидая от него новых откровений; варшавские алхимики и кабалисты, а их было немало, интересовались его химическими опытами и пресловутым светящимся камнем, о который можно зажигать свечи и который гаснет от простого прикосновения рукава; дамы мечтали о предсказаниях и интересовались графиней Лоренцой, а сам Адам Понинский фантазировал, что он выпросит у Калиостро домашнего духа и будет водить его гайдуком. Собственно говоря, Варшаву они только проехали, прямо отправившись в загородный дом Понинского, где для Калиостро были отведены пять комнат, и в отдельном флигеле тотчас же начали устраивать лабораторию под присмотром пана Мосчинского. В первый же свой выход в ложе Калиостро всех поразила следующей демонстрацией. Велев всем присутствующим подписаться на пергаменте, он сжег его у всех на глазах и потом тайными формулами заставил тот же свиток упасть с неба нетронутым, с полными, даже не закоптившимися подписями. Несколько светских предсказаний упрочили его известность.

Но здесь мало говорили о возрождении духа и еще менее были склонны к сентиментальному прекрасному митавцев.

Варшавяне требовали золота, каббалистических брильянтов, светящихся камней и поразительных успехов в разных областях, кончая успехом у женщин. Адам Понинский был капризный и великодушный человек, но, зараженный духом среды, часто поражал Калиостро грубостью и недуховностью своих желаний и требований.

Лоренца зато была в полном восторге от привольной и пышной варшавской жизни. Имея и посторонние знакомства, кроме масонских кружков, Понинский ввел итальянку в общество, наполнявшее свое время прогулками, праздниками, театрами и балами. Время было летнее, Лоренца часто ездила по усадьбам, всегда сопровождаемая именитыми и неименитыми кавалерами, которым нравилось свободное обращение и полудетская красота графини.

В июне, в день рождения графини Калиостро, Понинский устроил роскошный вечер и ночной праздник у себя за городом. Ожидали массу гостей и самого короля, несчастного Станислава-Августа Понятовского. После обеда гости рассыпались по саду; на лужайке предполагались танцы, по озеру ездили лодочки в голубых кунтушах, и эхо смягчало до нежного воркованья охотничьи hallali ¹ и мазурки. Над высокими липами и каштанами лиловело сладкое дымное небо,

¹ Улюлюканье (нем.).

будто в истоме мерцали звезды; мальчишки бегали, высоко подняв подносы со сладостями или темным медом, разбуженные пчелы, жужжа, падали на траву, где горели еле видные при пестрых фонарях светляки. Начался фейерверк: кружились, взлетали, щелкали, шипели и лопались разноцветные брызги; с далекой псарни каждому взрыву отвечал долгий лай, пробуждая дальше, как эхо, лай деревенских шавок за Вислой.

Адам Понинский, взяв Калиостро под руку и отведя в темную аллею, проговорил капризно:

– Вы можете быть довольны. Какой праздник для милой графини.

– Вы слишком добры, сударь!

– Пустяки! Какой же иначе я был бы кавалер? Но у меня просьба к графу.

– Говорите.

– Дайте мне напиток, чтобы сломить эту упрямицу пани Кепинску. Вы не знаете, это необъезженная лошадь! Но хороша дьявольски.

– Какой напиток?

– Пустяки! Капли две. Вы же не можете этого не знать!

– Конечно, я знаю подобные средства.

– Ну вот, и для приятеля все это сделаете. Я могу вам еще пригодиться.

Калиостро посмотрел на капризное лицо поляка, освещенное наполовину желтым, наполовину зеленым светом бу-

мажного фонаря.

– Но зачем вам прибегать к таким средствам? Вам приятнее, если дама полюбит вас добровольно.

– Черт ли мне в ее доброй воле. Я хочу добиться, больше ничего.

– Я не могу этого сделать.

– Отчего? Вы чем-нибудь недовольны или графиня, кто-нибудь из слуг вам нагрубил?

– О нет, но я не дам вам эликсира.

Понинский искоса взглянул на собеседника.

– Может быть, граф не знает рецепта, тогда, конечно, другое дело.

Калиостро быстро схватил Понинского за руку.

– Идемте!

– Куда?

Граф вел хозяина к уединенному павильону на берегу пруда. В окно разноцветно волнами врывались огни, отраженные водой и небесами, музыка с озера и лужайки, запах скошенной травы и сладкой липы. В комнате было несколько стульев, стол, диван, на стене против окна помещалось круглое зеркало.

– Смотрите! – приказал Калиостро.

В зеркале, кружась, отражались уменьшенные огни фейерверка и темное небо. Постепенно из пестрого движения выплыли прозрачные черты, и огни, будто живая кровь под кожей, шевелились под ними. Прямой нос, опущенные губы

и по-китайски приподнятые глаза выражали веселость, надменность и своенравье.

– Пани Кепинска! – воскликнул Адам и упал на колени.

– Это труднее сделать, чем наболтать пузырек, которого вам я не дам! – сказал Калиостро, выходя из беседки.

Скрипки одни уже пели с лужайки, рожки умолкли. Граф сел под большой фонарь и вспомнил, что в кармане у него письмо от Шарлотты Медем, которая к нему не писала давно. Ему его передали перед самым обедом, и он не успел его прочитать:

«Милый и добрый учитель и брат, не буду вам писать новостей, так как их нет, а старые вы все знаете. Скажу вам то, что давно хотела сказать. Знаете, у меня есть зуб против вас. Почему вы не заехали в Митаву, где все вас так любят, где каждая вещь хранит для меня воспоминанье о вас? Конечно, ваш великий путь лежит мимо нас, скромных и незаметных, но, дорогой учитель, боюсь сказать, до нас доходят тревожные слухи. Я их гоню, не верю, чтобы даже слухи не темнили светлого имени Калиостро. Ведь вы на виду у всего света. Какая осторожность требуется. Вы даете людям то, чего они просят, но то ли им нужно, чего они хотят? Подумайте. Они запрасят у вас денег, успеха, любви, почестей, фокусов. Этим вы можете их уловить ко спасенью; ну, хорошо ли это? Я не сужу, я спрашиваю. Может быть, я предупреждаю и умоляю. Но нет, я слишком уверена в графе Калиостро и знаю, что он никогда не свернет с пути, хотя бы обманчивая видимость и говорила нам

противное.

Да хранит вас небо, учитель. Целую ваши руки.

А. Шар. Медем».

Калиостро оглянулся, ему показались такими далекими не только двор Медемов, где Шарлотта каталась с горки, но даже и покои светлейшего, в которых тот вздыхал о регенерации духа.

Скрипя каблуками по сырому песку, к нему быстро подошла Лоренца. Положив голову ему на плечо, она помолчала, потом произнесла будто про себя:

– Это жизнь! О, Александр, я начинаю расправлять крылья! Польским прошелся со мной король!

Она опять задумалась, потом проговорила недовольно:

– Что у тебя вышло с синьором Понинским? Нужно исполнить его просьбу, ведь это пустяки, какие-то капли. Он так щедр и любезен, может быть, нам пригодится и на будущее.

Граф ничего не говорил, смотря на звезды. Потом спокойно и тихо произнес:

– Завтра мы уезжаем, Лоренца.

Графиня подняла было брови, но, взглянув на мужа, поняла, что прекословить было бы бесполезно.

Книга третья

1

Чья карета, красная, с пестро намалеванным гербом, изображавшим в одном углу лазурного поля золотую куропатку, мчалась по Страсбургу с шести часов утра до поздней иногда ночи? Мчалась по бедным кварталам, по богатым улицам, иногда в Базель, иногда в Саверы. На чьем пути нищие останавливались, крестились и благословляли небо? Чьи двери осаждались больными, начиная с блестящих офицеров и кончая деревенскими роженицами? Чей слуга все время разносил порошки, мази и капли? Чей салон самый многолюдный, самый оживленный, где сидят по три часа от пяти до восьми, остаются, кто хочет, обедать, всегда открытый стол, где бывают графы, кардиналы, базельские банкиры и богатые еврейки? Чье имя служит городскою гордостью, ради кого гостиницы вечно полны приезжих, дороги наполнены пешеходами, будто богомольцами в храмовой праздник?

Кто это?

Граф Калиостро.

Лоренца может быть довольна. Кажется, еще никогда они не были окружены таким почетом, таким обожанием, таким

прославлением!

Калиостро вскоре по приезде в Страсбург показал себя как чудотворный целитель; его всегда скорая помощь, бескорыстье, вдохновенный и властный вид привлекали к нему такую массу больных и любопытных, что через месяц, уже в октябре 1780 года, он должен был снять большое помещение на оружейной площади, где и продолжал свою деятельность в самых широких размерах. От пяти до восьми у него были медицинские приемы, куда действительно собиралось не только все страсбургское общество, но и приезжие специально издалека. Всем он находил привет, наставленье, средство или просто улыбку. Графиня сидела у камина в соседней комнате, окруженная дамами, счастливая и гордая. Главными друзьями графа были кардинал Роган и базельский банкир Сарразен, оба богатейшие люди. Подружились они на почве исцелений, так как кардинал был освобожден от астмы, а кроме того, избавил от скарлатины кузена своего, князя Субиз, для чего Калиостро ездил даже в Париж на 13 дней, а у Сарразена граф вылечил жену. Оба крепко привязались к Калиостро и были до конца верными друзьями. В Страсбурге Калиостро почти исключительно занимался медициной, возбуждая, конечно, зависть врачей, которая, однако, до середины 1780 года не смела высказываться. Особенно не любил Калиостро доктор Остертаг. Скоро ему нашлись союзники по ненависти к графу. Одним из них был виконт де Нарбонн, молодой человек, почти мальчик, очень

красивый, служивший в местном полку, хвастливый, влюбчивый и упрямый. Он долго ухаживал за Лоренцой, она, по видимому, оказывала ему внимание, но не в такой мере и не так очевидно, как ему хотелось бы. Однажды в августе на обеде у кардинала виконт сидел рядом с Лоренцой. Передавая ей соусник, он смотрел на ее лицо своими светлыми, как светлые фиалки, глазами, не замечая, что коричневый соус течет струей на розовое платье графини. Лоренца тоже этого не замечала, сама смотря с удовольствием и удивлением на розовое лицо, печальное и страстное, де Нарбонна. Г-жа Сарразен через стол закричала:

– Но послушайте, господа, вы думаете, что платье графини – роза, которую нужно поливать удобрением?

Оба вздрогнули, покраснели, и соусник окончательно упал на колени Лоренцы. Все вскочили, дамы бросились вытирать пострадавшую, мужчины смеялись, граф нахмурился, а виконт проворчал, от смущения не вставая с места:

– Сколько шума и разговора из-за какого-то соусника!

Г-жа Сарразен воскликнула, поворачивая Лоренцу как куклу:

– Но ведь платье все испорчено, какая жалость!

– Можно купить новое! – не совсем соображая, что говорит, отвечал де Нарбонн.

– Я вам говорил, графиня, чтобы вы не садились рядом с этим господином! – заметил громко Калиостро.

Виконт вскочил, с треском отодвинув стул и гремя аму-

ницией, шпорами, саблей, цепочками, будто встряхнули мешок с металлическим ломом.

– Вы нахал, сударь, я вас вызываю на дуэль! – закричал мальчик сорвавшимся голосом и покраснел как свекла.

– Я не фехтовальщик. Это ваше дело, – ответил граф спокойно, но побледнел и сжал кулаки.

– Тогда стреляйтесь на пистолетах!

– И этого не буду. Мое дело возвращать людям жизнь, а не отнимать ее.

– Трус.

Лоренца бросилась к графу, крича «Александр», но вдруг тарелка, брошенная виконтом, как диск, мягко поднялась и со звоном разбилась о голову Калиостро. Общий крик, летит стул, по углам чуть не дерутся, споря, кто прав, графа оттаскивают, он растрепан, лицо красно, костюм растерзан, де Нарбонн, громяхая, уходит, хлопает дверью, кардинал для чего-то снял парик, и на его лысину желтым кружком капнул воск с люстровых свечей. Лоренца давно без чувств, испуганные кареты быстро разъезжаются в разные стороны. Мнение многих: вот что значит водиться с неизвестными графами и графинями, которые вам сваливаются «как снег на голову». Кардинал считается колпаком; Сарразены что же? – разбогатевшие еврейские выскочки, а виконт де Нарбонн – мальчик из хорошей семьи с манерами и традициями.

На следующее утро по городу были расклеены памфлеты на графа, графиню и кардинала. Было смешно, смеялись

даже те, кто дружил с Калиостро, доктор Остертаг потирал руки. Выкопали какие-то слухи, сплетни, неудавшиеся леченья. Родильница и бабка предъявляли претензии к графу, его собственный слуга и помощник, Карл Сакка, рассказывал по кофейням о хозяине вещи, каких не выдумать бы фельетонистам. Калиостро сократил приемы, хотел уехать, но остался по просьбе друзей, думая этим подтвердить свою невинность. Более скромная жизнь только в кругу философических друзей не была особенно по душе Лоренце, и она была почти рада, когда граф покинул Страсбург. Популярность его не уменьшалась, но шум и блеск его существования убавились; иностранцы не приезжали, некоторых он сам не допускал, жену держал взаперти, молодых людей не зазывал и вообще вел себя очень сдержанно. Виконт де Нарбонн, встречая на улицах Лоренцу, кланялся ей издали, краснел и потуплялся, а граф грозил ему палкой.

Наконец главный друг Калиостро, кардинал де Роган, переехал в Париж, а из Неаполя пришло известие, что кавалер Аквино умирает и хотел бы видеть старинного своего спутника. Все-таки в Страсбурге Калиостро пробыл около трех лет и был знаменит не меньше собора. «Наше солнышко уезжает!» – говорили горожане и поднимали детей, чтобы те видели, как быстро катилась размалеванная с гербами карета, с одной стороны которой кланялся красный граф, а с другой – кивала нарумяненная Лоренца.

2

Приняв последний вздох и последнее наставление своего друга и покровителя, Калиостро посетил Бордо и осенью 1784 года приехал в Лион.

Его огорчали разделения между масонами, различие и соревнование, ложь, диспуты и распри: он хотел всех братии собрать под одно крыло, как добрая наседка цыплят, всех привести к «египетскому» согласу, встать во главе и... голова кружилась от мысли, что было бы дальше! Что венценосцы, что святейший отец был бы тогда в сравнении с ним, Калиостро?! Теперь его главным занятием было лечение и организация обществ. В Лионе была уже двенадцатая ложа; кроме того, там были последователи Сведенборга и ученики «неизвестного философа» – мартинисты. Там была известна страсбургская деятельность графа, и его прибытия ждали с сердечным волнением. В тот же день в честь приезда Калиостро было устроено факельное шествие, перед гостиницей «королевы», что держали дамы Форэ, была исполнена серенада, девочки в белых платьях поднесли по букету графу и графине; их наперерыв приглашали на обеды и засыпали подарками. Лоренце этот почет казался скучноватым, и она вздыхала, вспоминая не только варшавские праздники, но и Петербург, и даже недавно покинутый Страсбург. Банкир С. Костор вполне заменил графу базельского Сарразена, выда-

ющиеся и влиятельные в духовном отношении люди не только относились благосклонно, но заискивали у нового учителя, и звезда Калиостро засветилась мирным, но большим и светлым огнем. Но сам мастер тоже не радовался. Надоела ли ему тихая и спокойная работа, питал ли он более честолюбивые мечты, смущали ли его сомнения или он просто устал, но все печальнее и как-то тяжелее становилось его лицо, лишь глаза горели и воспламеняли по-прежнему. Ложа «Победительной мудрости» была уже устроена, открылась подписка на сооружение здания «храма» в Бротто за рекой, никакого разделенья не предвиделось, время шло благочестиво и достойно. Верх мирной славы графа произошел в среду 24 ноября 1784 года, когда на собрании братьев Калиостро вызвал тень недавно скончавшегося Проста де Ронэ; и она всем была ясно видима, говорила со всеми и всех благословила. Прост де Ронэ умер в полной бедности, все свое огромное имущество раздав бедным и обществам. Братья были взволнованы до слез появлением почтенной тени; все обнимались, плакали, бросались к ногам Калиостро и даже, выходя на улицу, сообщали свою радость прохожим. Граф пришел домой поздно, долго прощаясь на улице со своими учениками. Лоренца, по-видимому, уже спала, все было темно. Войдя в свой кабинет, граф почувствовал, что в комнате кто-то находится. При этом не было холодка, как от присутствия духов, а теплый комнатный воздух был тих и душен. Значит, находился человек. Может быть, вор? Калиостро громко сказал

в темноту:

– Кто здесь?

Ответа не было. Слабое мерцанье неподвижно стояло там, где были стол и книжный шкаф.

– Кто здесь? Я знаю, что здесь кто-то есть, – повторил Калиостро.

– Граф Калиостро, зажгите огонь. Пусть будет свет! – раздался мужской голос.

Граф несколько раз стучал кремнем, наконец зажег свечу на комод. У стола стоял молодой человек в простом темном платье, но с ярко-розовой перевязью через плечо. Калиостро не нужно было вглядываться, он сразу узнал того незнакомца своего детства, того человека с прекрасным лицом, и даже не удивился, видя его совершенно неизменным. Граф не очень любил воспоминанья детства, предпочитая воображать себя существом, взявшимся неизвестно откуда, но теперь в этой комнатной ночной тишине, с глазу на глаз с таинственным гостем, его сердце тепло и мягко раскрылось. Еще минута, и он бросился бы на шею незнакомому юноше. Тот смотрел печально и строго, словно сожалея.

– Граф Калиостро, я пришел вас предупредить.

– Мне грозит опасность?

– Да, но от самого себя. Граф, проверьте свое сердце, вспомните вашу деятельность и, только если найдете, что она никогда не была продиктована корыстью, тщеславием, гордостью или властолюбием, только тогда ее продолжайте.

– Моя совесть чиста, я не имел ни одного из перечисленных вами побуждений.

Гость помолчал, потом ясно выговорил:

– Это неправда.

Калиостро вскочил.

– Как неправда? Что же, вы лучше меня знаете мои побуждения?

– Лучше.

– Чего же тогда спрашивать, тогда объявляйте, приказывайте.

– Я пришел не приказывать, а предупреждать.

– Я не знаю, теперь все командуют. Митавские девочки шлют мне наставленья, и не насчет того, как играть в куклы.

– Анна-Шарлотта одушевлена лучшими стремлениями, и она вас не наставляла, а умоляла.

Калиостро пожал плечами, потом спросил просто:

– Чего же вы хотите?

– Я говорю не от себя. Граф Калиостро, не увлекайтесь честолюбием, не откалывайтесь из желанья самостоятельности, потому что всякий откол – поранение, не вступайте в интриги политические или корыстные, не пускайте пыль в глаза бедным ротозеям, не желайте быть прославленным. Надейтесь только на Того, чье Царство – Сила и Слава.

– А если я не исполню этого?

– Вы будете оставлены.

– Оставлен? Кем?

Незнакомец молчал. Калиостро принялся бегать по комнате.

– У меня есть друзья высоких степеней и могущественных влияний, у меня есть сила, богатство, знание. Кем могу я быть оставлен?

– Старайтесь быть другом Тому, без которого все друзья ничто.

Граф расхохотался:

– Поверьте, я лучше вас знаю все это.

– Граф Калиостро, прошу вас не разговаривать со мной таким тоном и перестать метаться из угла в угол.

– Простите!

– Я говорю не от себя, я вас предупреждаю. Если вы не верите, я вам могу дать знак.

Вокруг гостя странно зареяло какое-то неопределенное сияние, предчувствие света, воздух сделался легче и теплее; казалось, сейчас послышится не то звук, не то запах. Калиостро протянул руку:

– Я верю.

Оба стояли молча.

– Граф Калиостро, может быть, не следует говорить того, что я скажу, но ответственность я беру на себя. Иосиф Балзамо, не губи себя, прошу тебя послушаться.

Голос незнакомца зазвучал совсем по-другому, он протянул обе руки, и Калиостро бросился к нему на грудь. Больше гость ничего не говорил; обняв последний раз графа, он по-

клонился, покрыл голову треуголкой и вышел за дверь.

Калиостро долго стоял смущенный, растроганный, не замечая, как по толстым щекам его текут слезы. Проведя рукою по лицу, он заметил, что оно мокро. Будто придя в себя, он бросился к двери, словно думая, что там еще кто-нибудь есть. Потом шлепнулся в кресло, опять вскочил и, сдвинув парик на сторону, принялся бегать, шепча:

– Выдумка! И я хорош: граф Калиостро плачет в объятиях мальчишки! Великий мастер, стыдитесь! Ваша сила, знание – все исчезнет? Глупости! Вот я велю свече потухнуть – и она гаснет (и действительно, свеча на комодке заморгала, заморгала и погасла, будто кто прикрыл ее колпачком), вот велю ей гореть – и она снова светит (правда, свеча снова забрезжила и разгорелась). Ого, наша сила еще не исчезла! А не исчезла сила – и все в порядке! Я буду сильнее всех! Какой восторг! Все люди мне подчинятся, и я им дам то, что им нужно. Царство мое будет царством милости и благодати. Бедные братья, хотите вы золота? Золото к вам потечет из моих рук, как из источника. Хотите успеха? Успех идет вам навстречу. Любви, власти? Все вам дастся, только признайте меня. Я беру ваши слабости, ваши грехи на себя; спите спокойно, только поставьте меня вершителем вашей судьбы! Кто может становиться между мною и моим Богом, какие самозванцы в серых плащах? Все это фокусы! Никто лучше меня не знает Его воли, Его желаний, Его путей. Пусть меня оставляют, я не буду оставлен!

Калиостро, закинув голову, поднял глаза, остановился в каком-то неподвижном восторге, как вдруг легкий металлический треск и звяк привели его в чувство. Он прямо бросился к стене, где висела обнаженная шпага. Теперь на гвозде повис только один кусок, прилегающий к рукоятке, остальные два обломка лежали на земле, скрестившись. Калиостро опустил на пол и долго смотрел на мерцающий крест из сломанного натрое лезвия, потом вскочил так порывисто, что свеча потухла, и закричал:

– Графиня! Лоренца, Лоренца!

Жена, вероятно, спала крепко, потому что никто не отозвался на крик Калиостро. Закрыв лицо руками, он прошептал: «Один, один!» – но вдруг выпрямился и, толкнув брентавшие обломки ногою, произнес торжественно:

– Свет увидит, что может сделать один Калиостро, представленный собственным силам!

3

Отъезд графа 28 января 1785 года, обставленный полною тайною, для всех был большой неожиданностью; впрочем, Калиостро любил такие неожиданности, окружая иногда неважные поступки туманом, чтобы они не отличались для непосвященного взгляда от таких, которые действительно требовали таинственности. Лионские масоны надеялись, что мастер вернется к 20 августа, когда предполагалось торжественное открытие обновленной ложи, и предполагали, что в Париж графа вызвали масонские дела, так как в феврале там должен был быть съезд разных лож под названием «Филалеты». Может быть, Калиостро и думал принять участие в заседаниях «филалетов», может быть, скорее хотел броситься в кипучую парижскую жизнь, бороться, блистать, удивлять и властвовать, убедиться, что сила его не потеряна, уверить себя на деле и – скорей, скорей, А может быть, на его отъезд повлияли письма г-жи де Ла-Мотт, писавшей ему время от времени. Он так хорошо помнил эту приятельницу карнавала, с которой он познакомился еще в Соверне! Она была мила, небольшого роста, с каштановыми волосами, вздернутым носом, голубыми глазами и слишком большим ртом. Происходя из обедневшей дворянской семьи, выросшая почти в нищете, пока ее не взяла на свое попечение маркиза Бугэнвиль, Жанна де Ла-Мотт, уже скоро пять лет, была

замужем за жандармским офицером, толстым г. де Ла-Мотт, имела свой салон в Марэ и пользовалась влиянием у королевы. Злые языки уверяли, что маленькая Ла-Мотт просто сняла в Версале комнату и сидела там иногда без еды, просто для вида, когда слуги важно заявляли, что госпожа поехали ко двору. Но, как бы то ни было, многим лицам она оказывала протекцию и доставляла места, разумеется, за плату деньгами или товарами, потому что она могла выхлопотать и поставки. Она оказала некоторые услуги родственнику де Роган, что еще больше скрепило ее дружбу с кардиналом. Калиостро она легкомысленно и туманно писала, что его присутствие было бы очень полезно, так как ни она, ни добрый кардинал не могут решиться на какое-то дело.

В Париж граф приехал в начале февраля и, очевидно, собирался устроиться на широкую ногу, так как, проведя всего несколько дней в отеле, где платил по пятнадцати луидоров в день, он снял особняк маркизы д'Орвилье, по соседству с г-жей де Ла-Мотт, в том же Марэ, и обставил его очень быстро богатою мебелью.

«Филалеты» действительно рассчитывали на участие Калиостро в их заседаниях, но граф заставлял себя упрашивать, предъявлял разные требования, чтобы пригласили непременно г. Лаборда, чтобы уничтожили архив «филалетов», чтобы раньше признали обязательным «египетское посвящение», так что братья увидели, что, пойдя на уступки, они тем самым предрешают исход совещаний, и оставили его

в покое. Кажется, Калиостро ожидал других результатов от своей требовательности, но представился вполне довольным и занялся устройством собственной ложи.

Кардинал ждал его с нетерпением. Ему столько же нужен был совет Калиостро, сколько хотелось просто рассказать про необыкновенное приключение. Спросив мельком про дела графа, кардинал с таинственным и лукавым видом произнес:

– Ну, граф, нам нужна ваша помощь.

– Вы знаете, что мои знания и способности всегда к вашим услугам.

– Знаю, но тут нужно совсем особое, непригодное к другим случаям искусство. Речь идет о слишком высокопоставленном лице.

– Что вы, мой друг, говорите? Как будто не знаете, что для всех людей действуют одни и те же правила?

– Мне нужно узнать, получила ли королева ожерелье.

– Какая королева? Мария-Антуанетта?

– Ну да, Мария-Антуанетта. Видите ли, милый граф, вы, конечно, только что приехали и не знаете, что тут происходило. Это тайна, но вам я могу открыть.

– Тем более если вы ищете совета.

– Полгода тому назад мне нужно было передать королеве прошение. Мне устроила свиданье наша добрая маленькая фея, г-жа де Ла-Мотт. Это было летом в саду Трианона. Незабываемые минуты! Ну, хорошо, дело было сделано, все

вышло как нельзя лучше. Теперь, месяца два тому назад, та же де Ла-Мотт пишет мне, что королева в большом затруднении, г.Бемер сделал специально для нее ожерелье, но королева сейчас не имеет должной суммы и ищет кого-нибудь из друзей, кто в тайне от короля, разумеется, помог бы ей устроить это дельце. Я очень благодарен г-же де Ла-Мотт, что она меня известила. Мне было стыдно не поспешить помочь нашей обожаемой королеве, когда у меня кружева на праздничной сутане стоят сто тысяч франков и когда я принужден держать четырнадцать дворецких. Четырнадцать! Я только на днях это узнал. Иначе не обойтись. Тем более что с г. Бемером мы условились, что платежи будут производиться частями, как обещала и королева возмещать затраты.

– Вы видели письма королевы?

– Ну конечно, и подпись: Мария-Антуанетта Франции.

– При чем же тут Франция?

– Но она королева Франции.

– Все-таки глупо так подписываться.

– Вы стали вольнодумцем. Королева прелестна.

Калиостро был рассеян и скучен. Ему казалось, что кардинал какой-то не тот, что бывало. Самый Париж ему представился вдруг мельче, буржуазнее и скучнее. Он равнодушно спросил:

– Чего же вы хотите, мой друг? На мой взгляд, дело запутанное и не совсем чистое. Хорошо, если вы пострадаете только материально, то есть денежно. Но раз все формаль-

ности соблюдены, условия ваши подписаны и вещь передана королеве, то, значит, дело кончено. Чего же вы хотите?

– Узнать, передано ли ожерелье по назначению.

– А вы кому его передали?

– Г-же де Ла-Мотт, которая при мне же отдала его посланному от Марии-Антуанетты, которого я знаю в лицо, так как он же сопровождал королеву на свиданье в Трианоне.

Калиостро молчал; молчал и кардинал, очевидно, недовольный, что его рассказ не произвел желаемого впечатления. Снизу раздался звонок. Калиостро заметил:

– Конечно, я вам узнаю, но, думается, что вам и так эта история стоила немало денег.

Кардинал самодовольно кивнул головою.

– Конечно, г-жа де Ла-Мотт очень милая женщина.

– Кто говорит, что г-жа де Ла-Мотт очень милая женщина? Как, граф Калиостро в Париже, и я ничего не знаю? Злодей, злодей! Но вы загладите вашу вину завтра в пять часов у меня. Не правда ли? Я живу в Марэ. И вы в Марэ? Мы все соседи. Ну, кардинал, я сажусь, не дожидаясь приглашения. Впрочем, я так болтаю, что вам некогда предложить мне кресло. Я так расстроена, г. Бемер все-таки не выходит почему-то у меня из головы. Я так впечатлительна. Наш ангел королева вчера была вся в голубом. Можно было умереть от восторга.

Хотя кардинал и придвинул кресло к камину для г-жи де Ла-Мотт, она все же двигалась по комнате, поворачиваясь,

приседая, разводя руками, словно танцевала менуэт. Ужинать решили здесь же, для тепла, и не зажигать люстры, поставив только канделябры. Когда кардинал вышел зачем-то, де Ла-Мотт, сощутив глаза и понизив голос, сказала:

– Вы упрекали кардинала в расточительности и предупреждали относительно меня?

– Откуда вы знаете?

– Так, я просто слышала. Вам невыгодно со мною ссориться. Вам нужны деньги и власть, все это в моих руках. Если хотите, давайте дружить, вы не раскаетесь.

Г-жа де Ла-Мотт говорила очень быстро, боясь, что войдет кардинал. Она наклонилась к графу, причем он видел всю ее небольшую грудь в разрез открытого платья, и сказала:

– Хотите союз? Не пренебрегайте. Я могу дать недурные советы. Когда будете узнавать об ожерелье, в голубки возьмете Ла-Тур, мою племянницу: она очень способная девочка.

Входил кардинал. Де Ла-Мотт рассмеялась и хлопнула графа по руке.

– Однако какие манеры привез из провинции граф!

Мы это все здесь переделаем.

Идя домой, Калиостро вспомнил, что все время властно правила разговором и будто отдавала приказания г-жа де Ла-Мотт, а он, Калиостро, покорно слушал.

Опыт даже с очень способной племянницей г-жи де Ла-Мотт не удался. Маленькая Ла-Тур не увидела ни королевы, никакого духа, а только расплакалась и болтала какой-то вздор. Тетка ее тут же приколотила, сказала, что она и без сеанса знает, что королева ожерелье получила, так как сегодня от нее принесли письмо, где она просит подождать, как-нибудь устроиться до 1 октября, когда она внесет двойной взнос, а пока присылает тридцать тысяч в качестве процентов. Кардинал обрадовался, подарил голубке коробочку с драже и даже утешал графа в неудаче.

С парижскими существующими ложами Калиостро постепенно расходился, устроив свою отдельную, но замечал, что опыты чаще не удаются, так что приходилось прибегать к механической помощи или даже просто помощи рук. Лоренца служила ему в этом хорошей помощницей. Граф не делал из этого никаких заключений, только сердился и, сердясь, упрямо старался добиться того, что от него ускользало. Не замечал или не хотел замечать и того, что состав слушателей его делался все более легкомысленным и смешанным. Правда, оставался кардинал, Сарразены и Леожан – друзья, но первый был увлечен и взволнован авантюрой с ожерельем, а вторые были далеко. Митава, Петербург казались оставленными за миллион верст. Граф устроил свой дом богато и импо-

зантно, и с внешней стороны его жизнь была крайне блестяща. Его собрания обратились в смешанный салон, где посетители менялись каждый день, говорили о делах, назначали свиданья. Между тем как граф, собирая обрывки вдруг почему-то исчезнувших знаний, говорил напыщенные и смешные речи об Атлантиде, Египте, арканах, философском камне, прерывая их комплиментами близко сидящим дамам.

Впрочем, суеверная слава о нем держалась крепко, и ночью, проходя пустынным Марэ, крестьяне со страхом показывали друг другу на огонь в его лаборатории и спешили дальше, крестясь. Г-жа де Ла-Мотт перенесла часть своей деятельности в салон Калиостро, что прибавило ему оживления, но не способствовало духовности и серьезности общества. Графиня должна была бы радоваться светской жизни, но ее тревожило состояние Калиостро, которое, несмотря на внешне как будто еще увеличившуюся деятельность графа, чувствовалось тревожным и мрачным. Когда он не думал, что на него глядят, лицо его делалось обрюзгшим, печальным и тупым. Кроме того, Лоренца, при всей своей наивности, замечала, что чаще и чаще граф бывает смешным, что шепот и смешки окружающих почти не скрываются и что он слушает растерянно и жадно всякого, кто властно говорит. Наконец весь Париж, светский, газетный, масонский, уличный, придворный, разинул рот от изумления и смеха: граф основал женскую ложу «Изида» и мастером выбрал графиню Лоренцу. Сделано это было по совету г-жи де Ла-Мотт.

Туманные и высокопарные объяснения Калиостро о значении женщин в общей регенерации духа еще более смешили не только остряков, особенно когда вспоминали, какой рой пустых хохотушек, старых дев, авантюристок и сводень ринулся в открытые двери этого святилища. Появились памфлеты, стихи и брошюры, где «Изиду» сравнивали чуть не с публичным домом, а Калиостро изображался в виде султана среди своих жен. Особенно смущало одних и веселило других, что после сеансов, на которых присутствовал и Калиостро, все переходили в соседнюю залу, где были накрыты столы, ждали кавалеры, и запросто ужинали, танцевали и пели куплеты.

Однажды утром кардинал приехал в Марэ сильно потрясенный. Прямо пройдя в кабинет, он бросил перчатки в камин, вместо того чтобы положить их на геридон, и начал, отдуваясь:

– Граф, я виноват, я скрывал от вас, но теперь я признаюсь и умоляю о совете.

– В чем дело? – спросил Калиостро тоже взволнованно, видя искреннюю тревогу де Рогана.

– Королева ожерелья не получила.

– Как?

– Бемер узнал это от г-жи Кампон, лектрисы королевы. Все письма подложны. Мария-Антуанетта Франции! вы правы: кто же будет подписываться так глупо? Мы все обмануты, но, главное, задета честь королевы. Ювелиры были уже в

Версале, там все известно. Боже мой! что же нам делать?

– Ехать к королю, броситься к его ногам и сказать правду.

– Нет, я этого не могу сделать.

– Тогда это сделает за вас ваш друг.

– И этого не надо! слишком поздно! – и кардинал закрыл полное лицо маленькими ручками.

Калиостро молчал, глядя в окно и стараясь собрать свои силы. Что-то последнее рухнуло словно около него. Но силы не увеличивались.

Кардинал поднялся совсем старичком.

– Прощайте, учитель, благодарю вас за любовь и за советы, которыми я, к сожалению, не мог воспользоваться, – и вышел.

Калиостро стоял посреди комнаты. Покинут! Справится ли? Конечно, есть и другая сила. В комнате утром Лоренца кроила новый лиф, ножницы и бумага лежали на солнце. Граф подошел к ним, улыбаясь, и машинально стал вырезать мелкие неровные звезды, шепча:

– Есть и другие силы, другие силы!

В дверь постучали. Вошел человек средних лет, похожий на адвоката. Увидя ножницы в руках Калиостро, он попятился, но потом сверкнул глазами и поклонился. Назвался Франческо ди С. Маурицио, уверяя, что бывал у графа на приемах. Калиостро молчал, ожидая, что будет дальше. На полу лежали мелкие неровные звезды. Гость еще раз поклонился, прижимая руку к сердцу. Было неприятно, будто он

без костей.

– Не удивляйтесь, что я вам скажу. Нас никто не слышит?

– Никто.

– Я пришел вас спасти. Вы оставлены, но несправедливо.

Калиостро нахмурился.

– Почему вы это говорите?

Гость, извиваясь, поклонился.

– Простите. Я вас зову. Мне поручили снова дать вам мощь.

– Знак, знак! – Калиостро топнул ногою.

– Я знаю, что вы оставлены и скоро будете в Бастильи, сударь.

– Что же дальше?

– Обе ваши темницы будут разрушены, скрыты с лица земли. Поверьте мне, я вам помогу. Кто же вам поможет, эта мошенница де Ла-Мотт?

Калиостро молчал, потупясь. Потом глухо спросил:

– Что я должен делать?

Незнакомец изогнулся чуть не до полу, отвечая:

– Помириться с Апостольской Церковью.

Калиостро во все горло расхохотался, потом вдруг заметил мелкие звезды на полу и медленно подошел к гостю.

Тот стоял, улыбаясь, и не гнулся.

– Так вы?...

– Да, конечно! – ответил Франческо, пожимая протянутую ему руку.

Кардинал, как оказалось, был лучший провидец, нежели граф Калиостро: было действительно поздно обращаться к королю. Версаль был в волнении после депутации ювелиров, которые все рассказали королю: был тайно созван совет министров, на котором было решено подвергнуть аресту кардинала де Роган, которого арестовал сам король публично на приеме 15 августа, г-жу де Ла-Мотт, арестованную 18 августа, и, наконец, Калиостро, арестованного после всех, может быть, по наговору г-жи де Ла-Мотт, 23 августа в 7 часов утра. Арестовали и ничего не знавшую Лоренцу.

Г-жа де Ла-Мотт сопротивлялась властям; хотя арест ее производился днем, она разделась, спустила шторы и легла под кровать. Сначала она кричала, что она спит, потом уверяла, что не может выйти, так как совсем голая, ее вытащили за ногу, причем она укусила в икру сержанта; она все буянила и вопила, наконец разбила об голову арестовывающего ночной горшок и только тогда предалась в руки правосудия.

Всем известное дело тянулось с августа 1785-го по июнь 1786-го. Кардинал постарел, вел себя смиренно, отвечал тихим голосом и не мог сообщить ничего, чего бы не знали тот же Бемер, г-жа Кампон или любой не причастный к делу человек. Граф Калиостро и г-жа де Ла-Мотт обвиняли друг друга. Г-жа де Ла-Мотт волновалась, плакала, кричала, выдумывала

вала всякие обвинения вроде того, что граф наслал ей в камеру блох и т. п. Калиостро на вопрос: «Кто он?» отвечал: «Знатный путешественник», и потом, поговорив часа полтора о сотворении мира и тайнах природы, называл г-жу де Ла-Мотт воровкой и вруньей. Судьи дремали, свечи оплывали, и подсудимых разводили по их местам. Между тем нужно было торопиться с этим делом, так как в нем была замешана королева. Письма ее сочли подложными только на основании подписи «Мария-Антуанетта Франции», так как такая подпись не принята и не умна. Но ведь можно и королеве иногда быть неумной и в делах необычных подписываться не так, как принято! Уверяли, что и письма были подложны, и на свиданье к кардиналу ходила вместо Марии-Антуанетты судомойка г-жи де Ла-Мотт (это сходство не оскорбило королеву, но вызвало краску на лице кардинала), и что роль слуги королевы исполнял г.Рето, который служил у г-жи де Ла-Мотт, где кардинал его видел всякий раз, как бывал там. Не было явных улик, но дело для всех было подозрительным и странным тем более, что отдельные части ожерелья могли быть пущены в продажу через подставных лиц кем угодно.

Начались очные ставки. Надеялись многое выяснить из очной ставки графа и г-жи де Ла-Мотт; но на этот раз Калиостро изменил своей важности и красноречию. Едва только ввели ее, как Калиостро закричал и обрушился на свою приятельницу с извозчичьей бранью. Г-жа де Ла-Мотт не осталась в долгу, потому что, окончив браниться, она схватила

зажженную свечку и бросила ее в живот Калиостро, но так неудачно, что капли сала попали ей самой в глаз, и она чуть не окривела. Граф воскликнул:

– Небо тебя покарало!

Г-жа де Ла-Мотт показала ему язык и замолкла.

Наконец 31 мая кардиналу и графу Калиостро был вынесен оправдательный приговор. Лоренца была освобождена еще 26 марта. Пленников выпустили на волю ночью, около полночи 1 июня; тем не менее все пространство перед Бастилией было полно народом. Народ же толпился на лестнице, ожидая выхода оправданных. Как-то сразу в объятиях Калиостро очутилась Лоренца.

– Александр, Александр! Небеса видят правду! – восклицала она, покрывая лицо и руки мужа поцелуями.

С улицы доносился шум.

– Что это? – спросил граф. – Или это простой уличный шум я, отвыкнув, принимаю за народное волнение?

– Там народ приветствует освобождение графа, – объяснил подскочивший Франческо. Калиостро прислушался. Внизу гудели голоса на одной ровной ноте, на которой вдруг выскакивало: «Долой убийц!», «Долой фальшивомонетчиков!», «Да здравствует справедливость!» Наконец, кто-то вдали прокричал как петух: «Да здравствует Калиостро!»

Граф улыбнулся. Франческо ди С. Маурицио взял его под локоть и, извиваясь, говорил:

– Добрый французский народ любит графа. Целый день

стоит толпа, ожидая вашего выхода. Они простые и чистосердечные; с ними можно делать что угодно: они доверчивы.

Калиостро отстранился несколько, будто не помнил, что это за человек, где он его видел, и зачем он здесь.

– Я – Франческо ди С. Маурицио. Вы меня не помните?

Граф болезненно сморщился. На Франческо почему-то были рабочая блуза и замасленный колпак.

Выйдя на улицу, он снял колпак и, махая им как дирижер, закричал:

– Да здравствует граф Калиостро, невинно пострадавший!

Несколько голосов ему ответило. Шел теплый черный дождь; черная мокрая толпа гудела, кое-где видны были фонари на палках. Калиостро протискался, сжимая руку Лоренце.

– Может быть, это самая счастливая минута моей жизни!

Толпа бросилась бежать за каретой графа, то крича «Да здравствует Калиостро!», то «Смерть палачам!», потом отстала, чтобы громить трактир. Черный дождь гулко лился. Калиостро дремал в карете, покачиваясь, держа руку Лоренцы в своей и всякий раз, когда пробуждался, удивляясь, зачем в их карете сидит Франческо. Дома была приготовлена домашняя встреча графу, и на столе у него лежало письмо от Шарлотты Медем. Калиостро задумчиво покачал его на руке, потом пошел мыться и переодеться.

В письме было несколько строк.

«Граф Калиостро, я вам была верна, куда вы были

верны сами себе. Теперь об этом не может быть и речи. Как человека мне вас жалко, и я готова буду сделать все, что вам нужно, но как учитель и брат вы для меня совершенно умерли, и я могу только плакать о вас и о себе всю свою жизнь. Может быть, даже хуже, чем умерли, потому что человек мрака хуже мертвого тела. Забудьте, что я была когда-то вашей ученицей, *Анной-Шарлоттой ф. Медем*».

6

Все оправданные тем не менее должны были покинуть Париж как можно скорее, тем более что Мария-Антуанетта, узнав о приговоре, была взбешена и легко могла найти способ избавиться от неприятных и неудобных для нее людей. Кардинал уехал в Оверн, а Калиостро с Лоренцей отправились в Лондон. Вероятно, графу хотелось теперь в расцвете, как ему показалось после 1 июня, своей славы показаться там, где были его первые шаги, но в Англии сейчас же начал против него газетный поход знаменитый журналист Моранд, говорят, подкупленный французским правительством. Калиостро захотел отвечать тем же оружием и помещал статьи, ответы, нападения, письма и брошюры, где чувство достоинства заменялось подозрительным красноречием, а полемика – бранью. Пробыв меньше году в Англии, почти исключительно проведя это время в борьбе с Морандом, так что под конец это перестало интересовать даже любителей скандалов, Калиостро снова переправился на материк. Пробыв некоторое время в Базеле у Сарразенов, он направился через Швейцарию в Рим, куда давно хотелось графине. По пути Калиостро выбирал места, где у него оставались верные друзья вроде Сарразенов или лионского г. С. Костор, или же небольшие городки, где он лечил с переменчивым счастьем, делал кое-какие не сохранившиеся предсказания, да

основывал «египетские» ложи. В 3. он встретился с Казановой, но оба великие человека друг другу не понравились. В швейцарском городке Освередо они остановились несколько дольше. Это было в сентябре 1788 года. Дни стояли солнечные и ясные; из окон их номера были видны снежные горы, где вечером и утром горит небесная «альпийская роза».

Лоренца встала очень рано и, открывши окно, выставила голову в свежий прозрачный воздух. Почти не было видно людей, какие-то старухи спешили в капеллу, звонкий колокол которой напоминал пастушьи звонки; внизу на озере ловили рыбу, и вода, и горы, и лодки – все было молочно-голубого цвета; кричали петухи, и куры спокойно, еще по-утреннему, кудахтали; пахло парным молоком и чуть-чуть сеном. Из некоторых труб поднимался уже дым, голубой на голубом небе. Хорошо в такое утро быть проездом в местности, в которую никогда не вернешься.

Лоренца не заметила, как подошел к ней Калиостро и положил руку ей на плечо.

– Ранняя птичка!

– Да. Я теперь и забыла, что значит рано вставать.

Оба помолчали, смотря на голубую радость за окном.

– Какая простая жизнь, как жизнь младенца! – сказал задумчиво граф и вздохнул.

– Тебе некогда и отдохнуть, Александр! Завтра все узнают, что ты приехал, и поплетутся больные, калеки, твои масоны и желающие подачек. А ты устал, мой милый! Я да-

же устала, а редко женщины, особенно такие пустые, как я, устают от суеты.

– Мой отдых – делать добро.

Лоренца, помолчав, спросила:

– Александр, ничего не случилось?

– Нет, что могло случиться?

– Я не знаю, я спрашиваю.

Помолчав, она снова спросила:

– Зачем около нас этот С. Маурицио? Он – гад. Я не брезглива и плохо разбираюсь в людях, мне не противны мошенники, я даже г-жу де Ла-Мотт могу находить милой, но этот Франческо, зачем он с нами?

– Его ж здесь нет.

– Да, он ждет нас в Риме, готовит там квартиру.

– Рим! Это моя родина и потом город, который нельзя не любить. Но теперь мое чувство как-то делится: мне и радостно видеть место, где я росла, где мы с тобой встретились, и вместе с тем будто чье-то черное крыло все покрывает. Мне кажется, это от С. Маурицио. У тебя плохие слуги! Вителлини, Сакки, но Франческо мрачнее всех.

– Ты пристрастна к нему. Просто он тебе не нравится, вот и все. Он честный малый.

– Дай Бог.

Солнце, вставая все выше, позолотило голубой утренний свет.

Лоренца опять начала:

– У тебя, Александр, мало друзей и будет еще меньше. У тебя один настоящий друг, это – я, но какой же я тебе друг. Ты знаешь, я нашего брата, женщин, не очень-то высоко ставлю, а самое себя вижу хуже многих. Курица какая-то!

– Что ты сказала? – рассмеявшись, переспросил граф. – Курица? Какие у тебя мысли в голове.

Он обнял еще раз Лоренцу и постоял молча. Лоренца еще раз сказала:

– А все-таки что-то изменилось, и я даже скажу, с каких пор.

– С каких же?

– Незадолго до нашего отъезда из Лондона.

Граф побледнел и закрыл окно, по ошибке закрыл и ставни. Утро исчезло.

– Что ты хочешь сказать, Лоренца?

– Зачем ты закрыл окно?

– Холодно.

– В тебе что-то исчезло.

– Лоренца!

– Что-то исчезло...

– Но что?

– Я сама не знаю.

– Не надо никогда этого говорить!

– Хорошо, я не буду, но это так.

– Это не так, глупая курица!

Калиостро начал одеваться, потом действительно попле-

лись больные, калеки и т. п., и он позабыл об этом разговоре и лишь гораздо позднее, в римской тюрьме, вспомнил о вызвавших его досаду словах единственного и глупого своего друга, Лоренцы.

Франческо ди С. Маурицио, в самом деле отправившись раньше в Рим, снял там на испанской площади помещение для Калиостро и убрал его по своему усмотрению. Особенно поражала своим устройством приемная зала: огромная комната была вымощена зеленым мрамором, по стенам висели чучела обезьян, рыб, крокодилов, по карнизу висели греческие, европейские и арабские изречения, стулья стояли полукругом, в центре треножник для графа, а посредине зала стоял большой бюст Калиостро, сделанный с оригинала Гудона.

Тайные занавески, потайные выходы, скрытые лестницы в изобилии разнообразили помещение. Граф остался не очень доволен, но ничего не сказал, тем более что Франческо уверял, что подобным образом обставленная комната производит непобедимое впечатление на римскую публику, вкусы которой он будто бы отлично знает. Лоренца просто боялась входить в эту залу, особенно когда Калиостро восседал на треножнике и давал ответы собравшимся.

Но все в Риме изменилось за эти пятнадцать лет; почти никого из прежних друзей и знакомых не было, и общество собиралось смешанное, легкомысленное и непостоянное, пожалуй, еще более жадное до диковинных зрелищ и опытов, нежели парижская публика, так что С. Маурицио был отча-

сти прав, устраивая для него такую балаганную обстановку. Калиостро не удалось в Риме устроить собственную ложу, а от существующих он сторонился, так что даже почти не был ни на одном из братских собраний. Можно было подумать, что он следует первому совету Франческо помириться с Апостольской Церковью, но сдержанность графа объяснялась другими причинами. Не закрывая уже глаз на то, что силы его слабеют, знание и влияние утрачиваются, опыты часто не удаются, он предпочитал делать сеансы у себя, где система портьер, зеркал, выдуманная С. Маурицио, много помогала в том случае, когда приходилось прибегать к механической помощи, а странные чучела и тексты отвлекали внимание.

Лоренца, единственный друг, была как-то в стороне, проводя большую часть времени в прогулках по разным частям Рима не только там, где она выросла и где встречалась с графом, но и там, где она никогда раньше не бывала. Словно она хотела насмотреться досыта ненаглядной и торжественной красотой унылого и прекрасного города.

Графине шел тридцать седьмой год, она пополнела, и хромота ее стала менее заметна, а свежее, без единой морщинки лицо действительно заставляло подозревать, что Калиостро знает секрет молодости.

Лоренца зашла как-то в церковь; это была маленькая приходская церковь, день был будний, и молодой священник с мальчиком служили тихую обедню для трех-четырёх человек. Графиня удивилась, она, кажется, со дня своей свадьбы

не была в церкви. Она не растрогалась – ей стало жаль себя и на кого-то обидно. Она опять вспомнила про Франческо.

Время шло, приближалось Рождество Христово. Однажды на праздниках Лоренца, сидя у окна, вдруг услышала дудки и волынку, то пифферари шли с вертепом поздравлять христиан с праздником. Лоренца упросила графа позволить пригласить к ним пифферари, сама ветром сбежала с лестницы. Дул холодный ветер, и казалось, скоро пойдет снег. Такая тишина на площади, мальчики везут свой картонный пестрый вертеп.

Лоренца, накинув шубку на одно плечо, крикнула весело, как девочка:

– Мальчики, зайдите к нам!

Маленький сделал было шаг к синьоре, но старший взял его за руку и, посмотрев на дом и Лоренцу, ответил, не снимая шапки:

– Нам некогда!

– Почему некогда? Пойдите, поиграйте. Вон какая у тебя славная волынка.

Мальчик нахмурился.

– Мы к еретикам и жидам не ходим. Вы проклятые. Для вас Христос не родился.

Графиня осталась стоять на пороге, шубка на одно плечо, рукой опершись о косяк, улыбаясь, будто замерзла. Потом тихо побрела по лестнице, когда уж маленькие пифферари с своим вертепом скрылись из виду. Придя домой, Лоренца

бросилась на кровать и громко зарыдала. Калиостро, даже позабывший про пифферари, спрашивал жену с тревогою:

– Но что с тобою, Лоренца? Курочка, что с тобою?

– Мы проклятые, для нас Христос не родился, и даже дети, уличные мальчишки, гнушаются нами.

Калиостро, помолчав, сказал ласково:

– Ведь ты знаешь, что это вздор. Охота верить и придавать значение словам детей.

Однако Римская курия рассуждала не лучше маленьких пифферари и 27 декабря арестовала графа и графиню Калиостро как еретиков, колдунов, масонов и безбожников.

В доносе, на основании которого был произведен этот арест, было так охотно описано все странное убранство графского помещения и так любовно поставлена каждая мелочь в вину, что сделать это мог только человек, устроивший это убранство, т. е. Франческо ди С. Маурицио, который как раз куда-то исчез.

Так как масоны думали, что арест графа повлияет на их судьбу, то все в ту же ночь бежали: и Вивальди, и Танганелли, и художник Любель; маркиза Вивальди, та даже переделалась венгерским гусаром для бегства. Никто не разделил участи с Калиостро, кроме несчастного приятеля и спутника его на всю жизнь, бедной Лоренцы.

Римская курия на все привыкла смотреть с точки зрения вечности, потому срок от 27 декабря 1789-го до 20 апреля 1791 г. ей казался довольно коротким для того, чтобы вынести свой приговор над несчастным заключенным. Сначала графа заточили в крепость Св.Ангела, потом перевели в тюрьму С.Лео близ Урбано. Редко кто выходил к милой жизни из этих мрачных затворок. Разве только для того, чтобы увидеть в последний раз золотое вечное римское небо сквозь дым и искры еретического костра!

Графиню убеждали давать показания против мужа, как против простого мошенника и шарлатана, уверяя, что таким образом наказание будет легче; Калиостро оправдывался, делая логические и богословские доказательства своей правоты и чистоты своего сердца. Соединяя все вместе, получали смешную и чудовищную жизнь учителя, самозванца, целителя, благодетеля человеческого рода и антихриста.

Вспомнили все лондонские, парижские, варшавские, петербургские, страсбургские и лионские сплетни. Книги против Калиостро, компиляции фантазий и клевет, появились во всех странах. Вольфганг Гете ездил по Италии собирать материалы о первых годах Калиостро. Даже Анна-Шарлотта бросила свой камень в покинутого и заблудившегося учителя.

На допросах присутствовал папа Пий VII, что случалось нечасто. Говорил ли граф как философ, его обвиняли в масонстве, говорил ли как христианин – его обвиняли в иезуитстве, а масоны и иезуиты были почти одинаково ненавистны святому отцу. Все были напуганы великим шатанием, которым уже раскачивалась грозно растерянная Франция. Искали и ненавидели виновников сбиравшейся бури. Когда Калиостро провозили арестованного в крепость Св. Ангела, римская толпа мрачно бросала камни, крича: «Смерть французам». Граф вспомнил свой выезд из Бастилии, тоже среди толпы, и заплакал. Что могли сделать друзья, деньги, влияние? Калиостро был слишком ценным и нужным узником для Ватикана. Оставалось одно: публично отречься от заблуждений, чтобы избавиться от позорной смерти.

Граф и исполнил этот обряд. Босой, покрыв голову черным покрывалом, прошел он от крепости Св. Ангела до церкви Св. Марии и там перед пастырем прочитал свое отречение, между тем как на соседней площади сжигали его рукописи, письма и бумаги.

Конечно, будь он прежним Калиостро, трудно ли бы ему было сделать, чтобы дождь залил костер, распались цепи, сам учитель был перенесен в Париж, Лондон, Варшаву, чтобы освободить Лоренцу. Лоренца была заключена в монастырь. Там тихо, на Рождество, наверное, приходят мальчишки с вертепом и играют на дудках!...

Но теперь Калиостро был не тот. Он пробовал в тюрьме и

напрягать волю, и говорить заклинанья, и кричать от желанья. Только стуки слышались в сырой стене да проносились лиловатые искры. Тогда он бросался на пол и кусал палец, чтобы не выть от досады и боли. А то и кричал, требовал себе вина, просился гулять, бился головой о стену.

Что же? Он как флакон, из которого вылили духи: легкий запах остался, но он пустой, а с виду такой же.

Покинутый, воистину покинутый. А у него был путь, была миссия. Ведь не в том смысл его жизни, чтобы дать пример школьникам или исцелить несколько тысяч больных. Но если б он даже умалился до разума дитяти, что бы было? Разве он может теперь мыслить как ребенок, разве напрасно даны были разум и сила и свободная (увы!) воля?

Вместо блестящей звезды взлетела ракета и теперь дымится, медленно угасая на земле.

Калиостро умер в тюрьме 26 августа 1795 года в 3 часа утра и погребен на холме без отпевания и креста. Лоренца умерла несколько недель спустя, не выходя из монастырской ограды.

19 февраля 1797 года французские войска заняли С. Лео, генерал Добровский спрашивал, здесь ли Калиостро. Ему сказали, что узник два года как умер. Тогда генерал освободил остальных пленников, а крепость взорвал.

Известно, что Бастилия тоже была разрушена 14 июля, какой-нибудь мечтатель подумает, что эти неодоушевленные сооружения постигла кара за то, что они скрывали в своих сте-

нах Калиостро, но не следует забывать, что много тюрем, где сидел Бальзамо, стоят до сих пор, а если развалились, то от ветхости, а также и того, что есть крепости, в которых никогда не было Калиостро, а они между тем были взорваны. Впрочем, мечтателям закон не писан.

1919